

АВТОБИОГРАФИИ

〈НАБРОСОК АВТОБИОГРАФИИ〉 <1>

Я рождаюсь в Киеве 16 мая 1877 года, так что церковь Sacré Cœur*, построенная на вершине Монмартра, приходится мне ровесницей. И хотя я не люблю ее духа, но когда с ее купола я гляжу на Париж, то меня охватывает такое чувство, точно я вижу перед собой всю мою жизнь. Я родился в день Св. Духа и поэтому в юности [особенно] любил стихи Гейне о рыцарях св. Духа и всегда помнил, что хула против Св. Духа не прощается.

Первые воспоминания детства — это развалины Севастополя — большие деревья, выросшие внутри разрушенных домов**. Отсюда позже любовь к Клоду Лоррену и Пиранези.

С 4 до 15 лет детство в Москве, непрерывная мечта об юге и книги. Первые книги — Пушкин, Лермонтов, Байрон, «Одиссея», греческие мифы. Около девяти лет первое знакомство с Гоголем и Достоевским и Эдгаром По. Наиболее потрясавший образ, которым меня пугали, смеясь, это смерть Геракла. 14 и 15 годы — период полного увлечения Достоевским.

1893 год — откровение великой революцией и неожиданное свершение всех грез — приезд в Крым [на постоянную жизнь] в Коктебель — пустынный и величественный залив, хранящий в своих очертаниях<х> строгую простоту выжженных холмов Эллады.

После [невыносимого] мертвого гнета московских гимназий*** — (Поливановской, потом Мос<ковской> I гим<назии>) Феодосийская гимназия и сама Феодосия, в то время еще сохранявшая свой вид старинного итальян-

---

* Святос сердце (фр.).

** Далее зачеркнуто: Позже это превратилось в

*** Далее зачеркнуто: Феодосия

ского городка* являются для меня новой жизнью. Здесь мои стихи**получают общее признание, а я сам — хорошую привилегию литературной славы, которая***стехпороградиламеня от заболевания этим опасным недугом.

Страсть к путешествиям находит свое первое удовлетворение в долгих одиноких прогулках по крымским горам.

В 1897 году я поступаю в Моск<овский> Университет. Там мое пребывание кратко и в высшей степени бесплодно. Это время увлечения идеальными революциями — Гарибальди, Герцен, Маццини становятся моими героями. Меня несколько раз арестовываю<т> за студенческие истории, высылают; в промежутках я делаю свои первые путешествия по Альпам, по Италии и по Греции. Меня арестовывают в Константинополе, арестовывают в Судаке, я сижу в Москве, и начальн<ик> Охран<ного> Отделения о моей жизни говорит моей матери: «Знаете, сударыня, вашего сына... женить надо»****.

Меня высылают в Ташкент, где в качестве юриста, я оказываюсь зачисленным на государственн<ную> службу фельдшером и 4 месяца провожу в Среднеазиа<тской> пустыне с караваном верблюдов. Здесь новая грань жизни [веха в жизни духа]. Пустыня преображает весь строй духа и мысли и приобщает мое самосознание мудрости востока.

Из Средней Азии я еду [прямо] в Париж и становлюсь художником. И живопись, и француз<ские> поэты воспитывают мой стих. Из Парижа я делаю путешествия по Испании, по Балеар<ским> островам, по Корсике и Сардинии.

Только в 1902 году я узнаю о существ<овании> в России новых поэтов. Прежде всего в мои руки попадают стихи Вячесл<ава> Иванова, который в то время еще жил в Женеве, после я ***** встречаюсь с Бальмонтом и одновременно с его поэз<ией>.

---

* Далее зачеркнуто: кажутся мне

** Далее зачеркнуто: первую при

*** Далее зачеркнуто: надеюсь, на всю жизнь

**** Далее зачеркнуто: Тогда

***** Далее зачеркнуто: знакомлюсь

В 1903 году – с Брюсовым, Балтрушайтис<ом> и Белым в Росси<и>.

С этого времени я пишу целый ряд писем из Парижа в «Весы» и в «Русь».

Из поэтов и мыслителей, имевших на меня наибольшее влияние, я могу назвать: Достоевского, Бодлэра, Бальмонта, Вяч. Ива<нова>, Эредиа, А. Франса, Ренье, Р. де Гурмон<а>, Клоделя, Блавацкую и Рудольфа Штейнера. Из книг Багават Гиту.

<АВТОБИОГРАФИЯ> <2>

Не знаю, что интересно в моей жизни для других. Поэтому перечислю лишь то, что было важно для меня самого.

Я родился в Киеве 16 мая 1877 года в день Святого Духа.

События жизни исчерпываются для меня странами, книгами и людьми.

Страны: первые впечатления — Таганрог и Севастополь; сознательное бытие: окраины Москвы, Ваганьково, машины и мастерские железной дороги; отрочество — леса под Звенигородом; пятнадцати лет — Коктебель — самое ценное и важное на всю жизнь; двадцати трех — Среднеазиатская пустыня — пробуждение самосознания; затем Греция и все побережья и острова Средиземного моря — в них обретенная родина духа; последняя ступень — Париж — сознание ритма и формы.

Книги спутники: Пушкин и Лермонтов с пяти лет; с семи Достоевский и Эдгар По; с тринадцати Гюго и Диккенс; с шестнадцати Шиллер, Гейнс, Байрон; с двадцати четырех — французские поэты и Анатоль Франс; книги последних лет: Багават-Гита, Маллармэ, Поль Клодель, А. де Ренье, Вилье де Лиль Адан — Индия и Франция.

Люди: лишь за последние годы они стали занимать в жизни больше места, чем страны и книги. Имена их не назову.

Стихи я начал писать тринадцати лет, рисовать — двадцати четырех.

Из произведений современных поэтов раньше других я узнал «Кормчие звезды» Вячеслава Иванова (1902), после Бальмонта. У них и у Эредиа я учился владеть стихом.

Максимилиан Волошин.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН <3>

Максимилиан Волошин... Если вы произнесете это имя перед любым «добрым буржуа», он воскликнет радостно:

– А-а, Макс Волошин... Тот, который живет в Коктебеле, ходит без штанов, носит греческий хитон и венок на голове...

Но другой – более осведомленный – перебьет его:

– Позвольте – это ведь он разрезал картину Репина... Или нет... он читал лекцию о ней и сам Репин плакал. И потом он еще дрался на дуэли...

– Да, да, он был посажен в сумасшедший дом и там умер. Я сам читал его некролог в какой-то Киевской газете. Говорят, талантливый человек был... Там еще кончалось, «к сожалению, покойник слишком любил парадоксы».

– Так это вовсе не тот Макс Волошин. Умер в сумасшедшем доме киевский журналист – псевдоним – Волошин. Их смешивали...

– А я слышал еще про одного Макса Волошина оккультиста...

Одним словом, через несколько минут у Вас закружится голова, вам покажется, что Макс Волошиных очень много и что разобраться в них нет никакой возможности и вообще все это только одно наваждение.

И действительно в жизни, в личности, в творчестве поэта, художника, критика, путешественника, конферансье – Максимилиана Волошина есть нечто, что оправдывает эти разноречивые толки и слухи.

Обычно он появляется то в Москве, то в Петербурге на 2–3 месяца, декламирует свои стихи, читает несколько лекций, возбуждающих споры и негодования газетных крити-

ков своими неожиданными и парадоксальными эстетическими утверждениями, и снова исчезает на целые годы то в Париж, то в Коктебельское уединение, откуда возвращается то с новой книгой стихов, то с увесистой папкой акварелей, то со статьей или исследованием на какую-нибудь необычную тему. И во всем, что он ни делает, сказывается разнообразная и изысканная эрудиция, направленная на все редкое и странное, строгая сдержанность формы и всегда неожиданная, очень личная точка зрения, придающая характер парадоксальности всем его утверждениям.

Подробности его биографии так же прихотливы и разнообразны: в свое время он был сослан в Среднюю Азию, где был погонщиком караванов и сидел в Константинопольской тюрьме, как Армянский революционер, исходил пешком Испанию, Италию и Грецию, пил абсент с президентом Андоррской республики и по личному поручению Далай Ламы покупал для него автомобильные очки у «Au Bon Marché». Последняя неожиданность, которой он изумляет нас, это его книга стихов о Революции — «ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ», проникнутая подлинным чувством родины, написанная тем русским языком, которого никак нельзя было ожидать от парижанина и галломана Максимилиана Волошина.

Немудрено, что его облик дробится и множится в глазах большой публики, которая создает о нем легенды и рассказывает небылицы.

Сейчас Максимилиан Волошин — единый и нераздельный — подлинный Коктебельский Максимилиан Волошин находится в Ялте и будет читать на выставке «Искусство Крыма» в пятницу лекцию на тему «СКРЫТЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ».

В первой части ее он поделится своими впечатлениями Западной Европы во время войны, а вторая часть ее будет посвящена анализу некоторых сторон европейской культуры, породивших современную войну, главным образом «машинизму» европейской жизни. В ней Максимилиан Волошин расскажет свои теории о Демонах машин и о бунте

машин против человека. Вся лекция будет комментирована и иллюстрирована его собственными стихами.

В субботу же Максимилиан Волошин сделает в Литературно-художественном обществе доклад на тему «СУДЬБА ВЕРХАРНА», сопровождаемый чтением его новых переводов поэм Верхарна.

<АВТОБИОГРАФИЯ> <4>

Я — Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин — родился в городе Киеве 16 мая 1877 года в Духов День.

До четырех лет жил на юге России — Киев, Таганрог, Севастополь. С 4 до 16 — Москва. С 16-ти (1893 г.) — Коктебель, Феодосия.

Университет — в Москве. В 1900 г. — ссылка в Туркестан. После жизнь за границей — преимущественно в Париже. Стихи пишу с 12<-ти> лет.

Впервые стихи были напечатаны в «Новом Пути» в 1903 г., а первая книга <на>печатана в 1910 г. в изд. «Гриф». С критическими статьями выступал раньше — с 1900 г. («Русская Мысль»).

Мои стихи распределяются так:

«Стихотворения» — (1900—1910 гг.) — изд. «Гриф».

«Selva Oscura» (1910—1914) — как будто бы печатается в Моск<овском> Гос<ударственном> Издат<ельстве>.

«Anno Mundi Ardentis» (1915) — изд. «Зерна».

«Иверни» (избран<ные> стихи 1917) — изд. «Творчество».

«Демоны Глухонемые» (1917—1918) изд. «Камена».

«Неопалимая Купина» (1919—1923). Запр<ещена> цензурой.

«Путями Каина» (1922—? не окончена).

Писал очень много критических статей, переводил Верхарна, Анри де Ренье, Клоделя, Вилье де Лиль-Адана, П. де Сен-Виктора, В. Гюго, Малларме.

В продаже книг моих нет. Так же нет и надежды напечатать то, что пишу сейчас.

Максимиллиан Волошин

Книги М. Волошина

Стихотворения 1900—1910 г. изд. «Гриф» Москва 1910
(распродана)

Стихотворения Кн. I 1900—1910 изд. «Омфалос» 1919

Стихотворения Кн. II 1910—1915 изд. «Омфалос»
1919

Anno Mundi Ardentis (1915) изд. «Зерна» 1916
(распродана)

Демоны Глухонемые (1915—1918) изд. «Камена» 1919

Иверни (избр. стихи) изд. «Творчество» Москва 1917

Лики Творчества. Кн. I. Изд. «Аполлона» 1913

Суриков: Монография

Переводы

Поль де Сен-Виктор Боги и Люди. Изд. Сабашник
ковых

Анри де Ренье Маркиз д'Амеркер, изд. «Альциона»

Вилье де Лиль-Адан. Аксель. Изд. «Ясень»

Верхарн Стихотворения, изд. «Омфалос»

Анри де Ренье Стихотворения, изд. «Омфалос»

Поль Клодель Отдых Седьмого Дня (Трагедия «Музы»,
ода)

Верхарн

1 Человечество	8 Монах	15 Толпа
2 Ужас	9 Дерево	16 Завоевание
3 На Север	10 Любовь	17 Окровавленная
		Бельгия
4 Осенний вечер	11 М. Анджело	18 Защитники Льежа
5 Ноябрь	12 Город	19 К Бельгии
6 Декабрь	13 Душа города	
7 Св. Георгий	14 Города	

<АВТОБИОГРАФИЯ> <5>

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин родился в Киеве 16 мая 1877 в Духов День. Род Кириенко-Волошиных из Запорожья. В XVII веке есть упоминание о слепом бандуристе Матвее Волошине, с которого поляки ободрали кожу живьем, как с Марсия, за политические песни. Надеюсь, что он был моим предком.

Отец — Александр Максимович был судебным деятелем 60-х годов [и вылитым Стивой Облонским по показанию его друзей].

Со стороны матери — примесь немецкой крови.

Детство — на юге: Киев, Таганрог, Севастополь. С 4-х лет — Москва. Школьные годы тоже в Москве (Поливановская гимназия, потом I-ая казенная). С 15 лет — Коктебель (1893 г.). Оканчи<ва>л Феодосийскую гимназию (1897). Университет — Москва (1897—1900). Выгнан за беспорядки (1899). Выслан в Ташкент (1900—1901).

С 1899 г. — Париж, который вплоть до 1916 года, несмотря на многократные отъезды и долгие пребывания в Коктебеле, оставался опорным пунктом жизни.

В промежутках путешествия по Испании, Италии, Греции, Германии, Англии, Норвегии — но преимущественно по югу.

Вся Революция — в России в Крыму.

Главные духовные моменты: в 1900 г. — среднеазиатская пустыня — как пробуждение самостоятельной мысли.

1902 г. — Рим и католицизм.

1903 — Встреча с Хамбу Ламой Тибета и буддизм.

1904 — Франк-масонство и магия.

1905 — Теософия, оккультизм и Рудольф Штейнер.

Литературные влияния: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, которых я знал наизусть до того, как научился читать. С 5-ти лет самостоятельное чтение, обильное и разнородное.

В школьные годы – прискорбное знание наизусть всего Алексея Толстого и Майкова.

С начала 1900-х годов – влияние французов, у которых я учился художественной форме и четкости мысли. Главным образом у Эредиа, Малларме, Вилье де Лиль-Адана, Ренье, Клоделя, Верхарна.

Около 1903 встреча с Русскими Символистами: Вячеславом Ивановым, Бальмонтом, Брюсовым; и сверстниками – Белым и Блоком.

Первая статья, подписанная моим именем, – в «Русской Мысли» в мае 1900 г. Стихи – в «Северных Цветах» и «Новом Пути» в 1903 году. Случайные же выступления в печати – гораздо раньше: с 1894 года.

Стихи писал с раннего детства. Систематически с 12 лет. Первые стихи, сохраненные в сборниках, написаны 23<-х> лет. Первую книгу стихов издал 33<-х> лет (1910 г.). Живописью начал заниматься с 24 лет.

Чисто – эстетический период создания своего художественного языка и изобразительных средств – до 1914 г. С начала мировой войны необходимость закрепить то, что надо сказать, явно преодолевает эстетизм.

Книги стихов располагаются так:

Годы Странствий (1900–1910) } Лирика
Selva Oscura (1910–1914)

Неопалимая Купина (1914–1924) (Война и революция)
Путями Каина (1922–?). О трагедии материальной культуры.

Св. Серафим (1920 г.) поэма

Случайность изданий и политических обстоятельств перепутали сильно этот нормальный хронологический порядок.

Критические статьи, рассеянные по многим периодическим изданиям, были частью собраны в книге «Лики Творчества», том I (Франция), но остались неизданными

тома о русской литературе, о театре, о живописи, о Париже, монография о Сурикове, переводы Вилье де Лиль-Адана, Клоделя, стихов Анри де Ренье.

Был постоянным сотрудником «Русской Мысли», «Вестов», «Перевала», «Золотого Руна», «Аполлона» и большого числа газет в качестве парижского корреспондента.

Отношение критики ко мне было исключительно отрицательное. Время от времени я подвергался единодушным газетным травлям,* и для меня закрывались двери всех редакций. Были [даже] годы бойкота моих книг книжными магазинами. Все российские цензуры: царская,** либерально-интеллигентская и революционная разделяли по отношению ко мне мнение критики, что [вполне] понятно*** ввиду моей органической антипатии к политике, к партийности, к государству и общественности. Единственная форма общественной деятельности, к которой меня вынудила Революция, — это была борьба с террором во время гражданской войны (с белым или красным — разумеется, безразлично).

Все это создавало, в общем, очень благоприятные условия для уединенной творческой работы [и мне думается, что я использовал их с толком].

*Максимилиан Волошин.
Апрель 1924*

---

* *Далее зачеркнуто:* и исключительно из всех

** *Далее зачеркнуто:* либеральная общест

*** *Далее зачеркнуто:* потому, что я всегда питал глубочайшую

<АВТОБИОГРАФИЯ> <6>

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин — род. 16 мая (ст. ст.) 1877 года в Киеве. Предки казаки из Запорожья. «Свою фамилию, — пишет поэт, — встретил дважды: в XVII веке слепой бандурист Матвей Волошин; с него поляки содрали кожу живьем, как с Марсия, за политические песни; да какой-то молодой человек в Кишиневе, по фамилии Кириенко-Волошин, водивший Пушкина в цыганский табор. (Воспоминания Францевой). Желал бы их обоих иметь предками. Со стороны матери есть немецкая кровь (врачи и инженеры, обрусевшие с XVIII века). Никакого признака латинской крови, между тем как я всегда чувствовал близость только к латинским культурам (Франция, Италия, Испания), языкам латинского корня и полную чуждость к Германии, ее языку и культуре. Истинной родиной духа для меня был Коктебель и Киммерия — земля, насыщенная эллинизмом и развалинами Генуэзских и Венецианских башен». Детство В. прошло на юге, в Феодосии, юношеские годы — в Москве. Учился в гимназии Поливанова, кончал гимназию в Феодосии. В 1897 г. поступил в Московский Университет, на юридический факультет. Исключен в 1900 г. за беспорядки и сослан в Ташкент. С 1901 по 1915 г. жил то в Париже, то в Коктебеле. Путешествовал пешком по Европе. Наравне с литературой занимался живописью. Картины свои выставлял в «Мире Искусства». Живопись считает «величайшим наслаждением». С 1917 по 1924 г. жил только в Коктебеле. Про эти годы поэт пишет: «интерес — социальная история человека, антипатия — армия и политика. То, что мне пришлось в зрелые годы пережить русскую революцию, считаю для себя великим счастьем»... Писать стихи начал с 11 лет. Первое литературное выступление — сти-

хотворение «На могиле В.К. Виноградова», напечатанное в сборнике его памяти в 1895 г. в Феодосии. Первое серьезное выступление — стихи в «Новом Пути» и в «Северных Цветах» («В вагоне») — в 1903 г.

Отдельные издания: 1) Стихотворения. (Годы странствий). Изд. «Гриф» М. 1910. 2) Anno Mundi Ardentis. Изд. «Зерна». М. 1916. 3) Иверни. (Избранные стихотворения). Изд. «Творчество». М. 1918. 4) Демоны глухонемые. (Стихи). Изд. «Камена». Харьков. 1919. 5) То же. 2-е изд. «Изд-во Писателей». Берл<ин>. 1924. 6) Верхарн. (Перевод). Изд. «Творчество». М. 1919. 7) То же. 2-е изд. «Омфалос». Одесса. 1919.

МАКСИМ<ИЛИАН> ВОЛОШИН <7>

Родился в Киеве 16 мая 1877 года в Духов День.

Род Кириенко-Волошиных из Запорожья. Есть упоминание в XVI с<толетии> о слепом бандуристе Матвее Волошине,* ободран<ном> живым (как Марсий) поляками за политические инвективы.

Со стороны матери – примесь немецкой крови.

Раннее детство – на юге: Таганрог, Севастополь. С 5 лет – Москва и Звенигород<ский> уезд. Гимназии – Поливановск<ая>, Мос<ковская> I-ая. В 1893 г. возврат на юг: Феодосия. Коктебель.

Университет – Москва. Выгнан за беспорядки. Выслан в 1900 г. в Средню<ю> Азию. С 1899 странствия пешком по Европе: Италия, Испания, Греция, Альпы, Пиренеи. С 1901 г. до 1916 – два постоянных места жизни: Париж и Коктебель с промежуточн<ыми> остановк<ами> в СПб. и Москве.

Стихи с раннего детства, живопись с 24 лет. Строгость к написанному. Первые стихи напечатаны очень поздно в 1903 г. в журн<але> «Новый Путь». Критические статьи и фельет<оны> – с 1899 г. в «Русской Мысли».

Духовный путь: [до 1905] юность – страстное поглощение видим<ого> мира: стран, городов, произведен<ий> искусства, книг.** Встречи с Буддизмом, масонством, оккультизмом, католичеством; в 1905 г. – с Рудол<ьфом> Штейнером и теософией, впоследст<вии> превр<атившейся> в антропософию. Первая Революция прошла мимо.

Европейская война.

* Далее зачеркнуто: с которого была

** Далее зачеркнуто: Потом

<БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА> <8>

Максимилиан Волошин — (Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин) — родился в 1877 году в Киеве в Духов День (16 мая ст. стиля). Кириенко-Волошины — семья украинская, казацкая из Запорожья. (По толкованию деда — «Кириенко» — имя от Κυρίος = господин, а «Волошин» — запорожское прозвище = выходец из Италии).

По женской линии есть немецкая кровь: прапрадед Зоммер лейб-медик, приехал в Россию при Анне Иоанновне.

Раннее детство связано с югом России (Киев — Таганрог — Севастополь). С 4 лет — Москва (1880 г.). Обстановка — улица из Суриковской «Боярыни Морозовой», т. е. Новая Слобода около Подвисков, где в эти самые годы Суриков через 2 дома и писал свою картину.

Позже — обстановка Мастерских Смоленской дороги около Ваганькова.

В 1887 г. Поливановская Гимназия, первый класс.

В 1888 — перешел во II кл<асс> Казенной (Мос<ковской> I-ой) гимназии.

В 1893 — переезд в Феодосию, Коктебель — V кл<асс> Феодосийск<ой> Гим<назии>.

В 1897 г. — окончание Гимназии и Москов<ский> Университет. С детства (с 5 лет) массу читал, очень многое знал. Обладал прекрасной памятью. Читал наизусть бесконечное количество стихов. Очень любил декламировать.

Учился очень плохо. Школа — ни средняя, ни высшая — не дала ничего, кроме отвращения, да выработала особую рассеянность во время работы, от которой я страдал всю жизнь. Университет дал не больше, чем гимназия.

В 1899 г. был исключен за студенческие беспорядки и выслан в Феодосию. В конце этого года — первая поездка за границу (Венеция, Швейцария, Париж, Берлин).

1900 г. Выдержал экзамены на III курс Юридического Факультета. II путешествие за границу (Вена, Мюнхен, Обер-Аммергау, Рим, Неаполь, Афины, Константинополь). После новый арест за студенческие дела (был председателем Исполнительного Комитета Московского Университета) и высылка в Ташкент.

1901 г. Возвращение в Париж. Занятия в «École de Louvre», в «École des Hautes Etudes religieuses», курсы Гастона Париса, Бергсона, Андрэ Мишеля. Занятия живописью.

Путешествие в Андорру, на Балеары, по Испании.

1902 г. Париж. Живопись. Поездка на Корсику и в Сардинию. Неаполь. Рим. Там знакомство с Ватиканскими кругами и католическим миром. Осенью в Париже встреча с Хамбу-Ламой Тибета и увлечение буддизмом. Знакомство и дружба с Бальмонтом.

1903 г. Возвращение в Россию на год. Знакомство с петербургскими и московскими литературными кругами. Настоящие литературные дебюты. «В вагоне» — напечатано в «Северных Цветах» и цикл Парижских стихов в «Новом Пути».

(Самое первое стихотворение «Памяти Виноградова» напечатано в 1895 г. в Феодосии, а в 1899 и 1900 писал библиографические заметки в «Русской Мысли» и в мае 1900 г. первая подписанная статья в «Русской Мысли» — «В защиту Гауптмана»).

Сборы в Японию: несостоявшееся путешествие благодаря войне. Возвращение в Париж.

1904 г. Париж. Парижские корреспонденции в газете «Русь». Работа в «Весах».

1905 г. — 9 января был в СПб. проездом в Париж. Там знакомство с масонами, теософами, встречи с Олькоттом, с А. Безант, со Штейнером.

1906. Женитьба на Марг. Вас. Сабашниковой. Зимой возвращение в Россию, [жизнь] в СПб.

1907–1910. Петербургский период. Жизнь на «Башне» с Вячеславом Ивановым. Летом Коктебель, зимой СПб.

В 1910 г. основание «Аполлона». Создание Ч<ерубины> де Габриак. Дуэль с Гумилевым. Выход I-ой книги Стихов.

1910–1913. Московский период, заканчивающийся Репинским скандалом, травлей, закрытием для меня всех редакций и бойко<то>м моих книг книжными магазинами.

1913 и 14. Уединение в Коктебеле.

1914 – осень. Работа в Дорнахе над постройкой Гёте-анума.

1915 – Париж. Биарриц. Испания. Книга «Anno Mundi Argentis».

1916. Возврат в Россию. Коктебель.

1917. Февр<альская> Революция в Москве. После Коктебель.

1918. Коктебель и Феодосия. Книга «Демоны Глухонемые».

1919. Одесса. Поэма «Пр<отоп> Аввакум». В мае из Одессы – на лодке в Крым. Летом дело Маркса и поездка в Екатеринодар.

1920. Поэма «Св. Серафим». Борьба с Красным террором.

1921. Весна <в> Симферополе. Летом 8 месяцев болезни, а после санатории. [Голод].

1922. Борьба с голодом. Книга «Путями Каина». Летом и осенью лечение в Саках и Севастополе. Смерть матери.

1923. 2-ая женитьба (М.С. Заболоцкая). Организация бесплатного Дома Отд<ыха> в Коктебеле.

1924. Поездка в Москву. Поэма «Россия». Коктебель становится крупным литерат<урным> центром.

Нельзя сказать, чтобы я пользовался бы признанием в русской литературе. Сейчас нахожусь под *цензурным

---

* Далее зачеркнуто: литератур

запретом, и моих книг в продаже вообще не имеется. Но то же было и до войны, когда для меня почти хронически запирались двери редакций и книжн<ые> магазины бойкотировали мои книги. Критика всегда относилась ко мне отрицательно. Единствен<ные> положительные отзывы: библиограф<ическая> заметка В. Брюсова в «Русс<кой> Мысли» по выходе моей I книги стихов, да страничка в «Ист<ории> Новейш<ей> Рус<ской> Лит<ературы>» Львова-Рогачевского, за которую он был лишен права преподавания в В.У.З.'ах и которая вырезана в новом изд<ании> его книги за то, что он видел во мне поэта рус<ской> Революции (sapienti sat!!).^{*} Все это я рассматриваю как особую милость и внимание со стороны судьбы – т<ак> к<ак> это мне всегда оставляло полную личную независимость. А необычайно широкое распространение моих стихов в рукописях давало мне <нрзб> удовлетворение. Так я узнал, например, в СПб, что почти все мои стихи о Революции ходят в списках по Восточн<ой> Сибири, попадая туда только из Китая и Японии, а не из России. А в Японию из Америки. Т. е. сделав кругосветное путешествие без помощи книгопечатания.

Максимилиан Волошин.

---

^{*} Умному достаточно (сказанного)! (лат.)

АВТОБИОГРАФИЯ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА <9>

Родился в Киеве в 1877 г. в Духов День (16 мая). По отцу род из Запорожья. По матери — немцы, врачи, обрусевшие с XVIII века.

Все раннее детство на юге России: Киев, Таганрог, Севастополь...

Севастополь — еще в развалинах после осады с Пиранезиевскими деревьями изнутри домов, с дорическими колоннами Тезейона — (Петропавловский собор).

Лет с четырех Москва. Москва из фона «Боярыни Морозовой» — Новая Слобода у Подвисков, — где «Боярыня Морозова» в те годы как раз и писалась (Суриков жил рядом в доме Збук). Первое впечатление истории — «1-ое марта», подслушанное из разговоров старших.

С раннего же детства опьянение стихами. Не умея читать, знал наизусть «Полтаву», «Коробейников», «Демона». Любил декламировать и для этого всегда взбирался на стол или на стул.

С пяти лет начинается уже самостоятельное плавание по книгам, но, увы, ограниченное очень небольшой семейной библиотекой. Но все же здесь и «Дон-Жуан» Байрона и Эдгар По и Достоевский.

Обстановка отрочества — окраины Москвы в сторону Ваганьковского кладбища и железнодорожные мастерские Брестской Дороги.

Конец отрочества и юность отравлены гимназией, которой я не обязан ни одним знанием, ни одной светлой минутой; и лишь глубоким убеждением в том, что воспитание есть самое возмутительное из всех насилий, совершаемых над человеческой душой.

Самые интересные и близкие области знания становились мне отвратительны, как только их касался школьный курс. Я был последовательно в гимназиях Поливановской, Московской I – казенной и окончил Феодосийскую. Учился я очень скверно, с репетиторами, сидел в классах по два года, и как я все-таки умудрился получить аттестат зрелости – непонятно, тем более, что я был, по-видимому, ребенком очень любознательным, одаренным памятью и талантами. Быть может, к этому меня подвигла материнская угроза отдать меня в Кадетский Корпус, если меня выгонят из гимназии. А военщину я ненавидел еще сильнее, чем гимназию, и эту ненависть пронес незапятнанной до сих дней сквозь все войны и патриотизмы, коих мне довелось быть современником и свидетелем.

С Университетом дело было проще и быстрее. Из гимназии я получил такую «характеристику», что по приезде в Москву был взят сейчас же под надзор полиции, а после экзаменов на III курс выгнан из Университета окончательно и отправлен административно в Ташкент, где в качестве юриста зачислен на государственную службу фельдшером.

Несомненно, что из всех моих воспитателей Моск<овское> Охранное Отделение оказало мне наибольшую услугу, толкнув меня на собственный путь.

Доживался последний год постылого XIX века: 1900 год был годом «Трех разговоров» Владимира Соловьева и его «Письма о конце Всемирной Истории»* годом Боксерского восстания в Китае, годом, когда явственно стали прорастать побеги новой культурной эпохи, когда в разных концах России несколько русских мальчиков, ставших потом поэтами и носителями ее духа, явственно и конкретно переживали сдвиг времен. То же, что Блок в Ша<х>матовских болотах, а Белый у стен Новодевичья Монастыря, я по-своему пережил в те же дни в степях и пустынях Туркестана, где водил караваны верблюдов. Здесь на стыке веков**

---

* Далее зачеркнуто: стихотворения «Панмонголизм» и его смерти

** На этом текст обрывается.

**МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН:
АВТОБИОГРАФИЯ <10>**

Мне идет сорок девятый год: следовательно, я доживаю седьмое семилетие, и жизнь правильно распадается на эти циклические сроки.

Первое Семилетие – Детство (1877–1884 г.)

Родился в Духов День – 16 мая 1877 г. в Киеве. Кириенко-Волошины – из запорожских казаков. По материнской линии – немцы, обрусевшие с середины XVIII века.

Ранние впечатления: Таганрог и Севастополь. Последний еще в развалинах после осады с Пиранезиевскими деревьями из глубины разрушенных домов.

С четырех лет – Москва: из фона «Боярыни Морозовой». Жили у Подвисков на Новой Слободе – там, где в соседнем доме как раз в те годы она и писалась Суриковым. [«Первое марта»]. Первое впечатление истории, подслушанное из разговоров старших, – убийство Ал<ександра> II.

Опьянение стихами: еще не умея читать, знал наизусть «Полтаву», «Демона», «Коробейников». Для декламации всегда взбирался на стул: органическое чувство эстрады.

С пяти лет – самостоятельное плавание по книгам, ограниченное пределами материнской библиотеки. Кроме Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Гоголя, постоянными спутниками становятся с этих же лет Байрон, Эдгар По и Достоевский.

Второе Семилетие – Отрочество (1884–1891)

Обстановка: Московские окраины (мастерские Брестской ж<елезной> д<ороги> и Ваганьково). Начало учения: кроме общепринятых грамматик – заучиванье латинских стихов и лекции по истории религий. В общем, очень ши-

рокая культурная подготовка до школы,* которой я обязан оригинальному учителю — тогда студенту — Н.В. Туркину.

Конец отрочества отравлен гимназией (Поливановская, потом Московская I).

Третье Семилетие — Юность (1891—1898 г.)

Мечта о том, чтобы стать поэтом. Первые стихи.

Возвращение на юг (Феодосия и Коктебель — в 1893 году). В провинции облегчение гимназического кошмара. Первая и очень полезная прививка поэтич<еской> славы. Подсознательное воздействие классического пейзажа и исторической насыщенности Киммерии. В 1897 г. — конец гимназии (Феодосийской) и Московский Университет [не более содержательный, чем гимназия].

Четвертое Семилетие — Годы Странствий (1898—1905)

Гимназии я не обязан ничем: ни единым сведением, ни единой мыслью. Университету тоже. Студенческие беспорядки, высылки, первые поездки в Италию, в Германию, в Париж, Грецию закончились ссылкой в Среднюю Азию в 1900 г. Книги, наст<игшие> меня в пустыне, — Ницше и Вл. Соловьев. Этот год, проведенный в пустыне с караваном верблюдов, дал больше, чем все 10-летие, [даром] погибшее в [средней и высшей] школе. Это перевал и духовное рождение, переоценка ценностей, перспективный взгляд на Европейскую культуру и сознание ее относительности. Здесь настигли Ницше и письмо о конце Вс<емирной> Истории В. Соловьева. Отсюда пути ведут на Запад, в Париж, на много лет — учиться:

чувству формы — у Франции, искусству — у готических соборов,** живописи — в Лувре и в [академиях Монпарнаса], истории искусств — у Ан<д>ре Мишеля, средневековой латыни — у Гастона Париса, строю мысли — у Бергсона, Индии — у Сильвена Леви, стиху у [французских символистов] Готье и Эредиа и символы<стов>*** Продолжает<ся> ряд путешествий [и открытий] и откровении<й> в Италии, Испании, на Балеарах, в Сардинии, на Корсике, в Лувре, в Пра-

* Далее зачеркнуто: концу отрочества отравлен гимназией

** Далее зачеркнуто: у музсвв и у Парижа

*** Далее зачеркнуто: чувству формы у Франции. Начинается

до, в Национальной библиотеке, по странам, по музеям, по библиотекам.

Кроме техники слова, для меня раскрывает<ся> техника карандаша и кисти.

К этому семилетию относятся первые литературные выступления («Русская Мысль», 1900 г.), первые стихи, первые встречи (1903 г.) и дружба с [старшими] русскими символистами – Вячеславом Ивановым, Бальмонтом и Брюсовым, Балтрушайтисом и со сверстниками Белым, Блоком.

Пятое Семилетье – Selva Oscura (1905–1912)

Судьба привела к 9 января 1905 г. из Парижа в СПб. И поставила свидетелем. Блуждания духа. Этапы: буддизм [Хамбу-Лама Агван Джоржиев (1902)], католичество, масонство, теософия, Олькотт, Анни Безант и Рудольф Штейнер. Период [сложных] [весьма] личных романтических и мистических переживаний. Женитьба (1906).

Литературная деятельность постепенно перетягивает [меня] из Парижа сперва в Петербург, потом в Москву.

Шестое Семилетье – * Anno Mundi Ardentis (1912–1919)

[Жизнь в России постепенно подготавливает полное расхождение с журнальным и литературным миром. Самостоятельность мыслей и взглядов определяется. В 1913 г. после публичной лекции о Репине, вызвавшей непристойную газетную травлю, для меня закрывается совершенно возможность работы в большинстве русских газет и журналов, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам. Я замыкаюсь в Коктебеле. Это дает мне возможность снова сосредоточиться на живописи.]

Европейская Война застаёт [меня] в Базеле у Штейнера за работой над постройкой «Гётеанума». 1915 г. – Париж, Биарриц, Испания. 1916 г. – возвращение в Россию.

Вернувшись, замечаю некоторый перелом в отношении ко мне: травле подвергался критик и лектор, а между тем незаметно подготовлялось (совершенно вне литературных оценок и рецензий) признание поэта.

Февральская Революция застаёт меня в Москве. А с апреля 1917 г. судьба снова на много лет уводит меня в Кокте-

* *Далее зачеркнуто: Эпоха Войны*

бель. После стихов о войне 1915 года до конца 1917 — большая поэтическая пауза. Только после Октября вновь возникают слова и стихи. Начинается очень плодотворная для поэтического творчества эпоха. С октября 1917 по май 1918 пишется книга «Демоны Глухонемые» и поэма «Протопоп Аввакум».

Седьмое Семилетие — «Неопалимая Купина» (1919—1926)

1919 год толкнул меня в первый [раз в жизни] к общественной деятельности в единственной форме для меня допустимой — к борьбе с террором независимо от его политических оттенков. Это ставит лицом к лицу с гражданской войной и дает мне драгоценный революционный и человеческий опыт. Моральные и мистические искания двух предыдущих семилетий находит себе естественное и практическое применение. «Каждый человек есть ангел в дьявольской личине» — надо только уметь приподнять эту личину. Делается это легко: молитвой за человека. С этим познанием, с этим опытом в руках я чувствую себя вполне приспособленным к условиям революционной жизни. Через террор и голод я выношу новое оправдание мира и новую веру в человека. По своей значимости годы 1919—22 являются такими же краеугольными, как 1900 г. — в Средней Азии. В книге «Неопалимая Купина» формулируется мое отношение к Революции, к России и к ее историческим путям.

<Вариант:> **Шестое Семилетье** — Anno Mundi Ardentis. Демоны Глухонемые. (1912—1919)

Пребывание в России подготавливает разрыв с журнальным миром.* Травля, вызванная моей лекцией о Репине (1913 г.), закрывает для меня все редакции, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам.

Вынужденное уединение в Коктебеле дает мне возможность снова сосредоточиться на живописи.

Война застигает меня в Базеле, где я принимаю участие в постройке «Гётеанума» Р. Штейнера.

В 1915 г. пишу книгу Anno M<undi> Ard<entis> (Париж — Биарриц).

* Далее зачеркнуто: Непростойная

По возвращении из Парижа в 1916 г. я застаю в России перелом в отношении ко мне, совершившийся вне литературных оценок и статей: [как бы молчаливое признание меня как поэта]. Но, т<ак> к<ак> обычно свобода мысли кончается там, где начинается свобода печати, то с момента февральской Революции, которая застаёт меня в Москве, ни одна моя статья не может найти себе места ни в одной редакции ни одного направления. Это оказывает благотворное влияние на [мою] поэзию, т<ак> к<ак> стихи остаются с этого момента единственным способом выражения, мне доступным.

Годы Революции и Усобицы я связан с Коктебелем, переживая здесь все смены правительств. В 17 и 18 году пишется книга «Демоны Глухонемые», [которая потом расширяется в «Неопалимую Купину»]. Ни война, ни Революция не поразили меня: я их давно ожидал и в формах еще более тяжелых.

<Вариант>: Седьмое Семилетье. Неопалимая Купина. Путями Каина. (1919—1926)

Девятнадцатый год толкнул меня к «общественной деятельности» — в единственной форме, допустимой для моего отрицательного отношения к политике и общественности, еще углубившейся за время Революции, — к борьбе с террором независимо от его окраски. Это ставит меня в эти годы (19—22) лицом к лицу со всеми многообразными явлениями и ликами Усобицы и дает драгоценный человеческий опыт.

[Моральные и мистические искания двух предыдущих семилетий находят себе жизненное выявление. «Человек — ангел в дьявольской личине». — Надо сорвать эту личину].

Только необычайно<му> счастьем, всегда мне сопутствовавшему, я обязан тем, что не был расстрелян в эти годы. Не было ни одного правительства в Крыму, которое не грозило меня расстрелять, и в то же время я ни разу не был арестован...

Эти годы являются для меня в поэзии наиболее плодотворными в смысле и количества и качества написанного.

Но, т<ак>к<ак> всякую борьбу, войну и усобицу я рассматриваю как психологическое и духовное *единство* всех борющихся,

т<ак>к<ак> «политика» — и, следовательно, «партии» меня не интересуют ни в каком смысле,

т<ак>к<ак> темой моей является Россия и исторический момент, ею переживаемый,

то отсюда логически вытекают следующие курioзные последствия:

Отдельные мои стихотворения и при том одни и те же одинаково нравятся и* левым и правым. Поэтому в 18—20 гг. при взятии Одессы и белые и красные печатают в прокламациях одно и то же мое стихотворение («Мир»). Одно и то же мое стихотворение («Рус<ская> Революция») в частных беседах — два видных** вождя враждебных сторон (имена их умолчу) называют лучшей характеристикой русс<кой> Революции.

А в совокупности — мои стихи не могут быть изданы книгой ни при белых, ни при красных по [общим] цензурным условиям.

Таким образом, мое положение писателя, стоящего вне литературы, остается таким же, как было и в последние годы до войны.

Отдельные мои стихотворения печатаются всеми без моего согласия и ведома. Я же не могу напечатать ни одного.

Белые меня ругают большевиком, красные — монархистом. В списках же стихи мои распространены по всей России. И в восточну<ю> Сибирь попадают из Китая и Японии, а туда из Америки.

С 1922 г. я пишу новую книгу стихов «Путями Каина». — Опыт переоценки ценностей материальной культуры Европы.

В 1923 г. — поэма «Россия» (петербургский период).

В 1922 г. я начинаю книгу «Путями Каина» (Трагедия Материальной Культуры) — переоценка культуры современной Европы: итоги того замысла, из-за которого из Средн<ей> Азии в 1900 г. я попал в Париж.

---

* Далее зачеркнуто: красным и белым

** Далее зачеркнуто: идеолога

Иконография

- Кошелев.* Портр<ет> маслом в рост
Слевинский. Маслян<ый> портр<ет> 1902 г.
Евгений Зак. Сангина (1911 г.)
Эдуард Виттиг. Бюст (1908)
Е.С. Кругликова. Масл<яный> портр<ет> 1901 г.
 Офорты. Силуэты, рисунки
А.Я. Головин. Портрет литографич<еский> (1909)
 Темпера поясной (1910 г.)
Манэ Кац. П<ортрет> поясной (1918)
Диег<о> Ривера. Колоссальная голова (1915)
 Мал<ый> порт<рет> в рост (1915)
Бобрицкий. Сангина. Голова (1918)
Шаронов. — “ — “ — “ — “ — (1924)
Хрустачев — “ — “ — “ — “ — “
Miss Hart. Голова. Уголь (1907)
Баруздина. Каран<даш>. Голова (1916)
Зайцев. 2 угл<ем> (1925)
А.П. Остроумов<а-Лебедева>. Аквар<сль>. Голов<а> (1924)
 Масл<яный> поясн<ой> (1925)
Костенко. 2 грав<юры>. Линолеум (1924)
Верейский. 2 литогр<афии> (1924)
 Рисунок каранда<аш> (1924)
Кустодиев. Поясн<ой> масл<яный> (1924)
 Из карикатур: Б. Матвеев, Ре-Ми, Моор
 Из фотографий: Дэнар, Маслов, Нап<п>ельбаум, Дилевский, Мезер, Курбатов, Асикритов.

Библиография

В настоящую минуту в продаже не существует ни одной моей книги. А те, которые были изданы, не вполне соответствуют моему плану, а были обусловлены разными случайностями.

Поэтому вот список того, что мною написано.

Две книги Лирики:

1) Годы Странствий (1900—1910). Изданы изд<ательством> «Гриф» в 1910 г. Москва.

2) *Selva Oscura* (1910–1914) не издана.

О войне и Революции:

3) «Неопалимая Купина» (1914–1923) не издана, но из ее отделов вышли следующие книги:

1. *Anno Mundi Ardentis* 1915 г. Изд. «Зерна» Москва.

2. Демоны Глухонемые 1919 г. Изд. «Камена» Харьков

2 изд<ание> 1923 г. Изд<ательство> Писа-

телей. Берлин.

Отделы «Усобица», «Личины», «Возношения» нигде не напечат<аны>.

4) «Путями Каина» – не издана.

Отдельные главы печатались в «Кр<асной> Нови» и «Недрах».

5) «Россия» – (поэма) 1924 г. Фрагментарно напечатана в «Недрах» 1925 г.

«Иверни». Избр<анные> стих<и> 1919 из<дательство> «Творчество»

Переводы Верхарна, Анри де Ренье (стихи), Вилье де Лиль-Адана «Аксель».

St. Victor (Сабашн<иковы>), Клодель (Отд<ых> 7-го Дня), Мюссе «Новеллы» не напечатаны нигде, кроме Верхарна в двух изданиях – 1919 г. – «Омфалос» Одесса, «Творчество» Москва.

Ренье. «Мар<киз> Амеркер». Из<дательство> Альциона 1913 г.

Кроме этих изданий, мне доводилось еще слышать и об иных перепечатках и сборниках моих стихов, но видеть не доводилось.

Критически<е> статьи «Лики Творчества»

I. Франция. Издан только I т<ом> (изд. Аполлон 1912 г.)

II. Живопись

III. Литерат<ура>

IV. Театр

V. Париж.

АВТОБИОГРАФИЯ <11>

(1925 г.)

Сейчас я доживаю последний год седьмого семилетия своей жизни.

Семилетие — это срок, в который происходит полное обновление физического и духовного организма.

7 семилетий.

1-ое <18>77—<18>84. 1—7 л<ет> *Детство*. Киев. Таганрог. Москва. <нрзб> книги.

2-ое <18>84—<18>91. 7—14 *Отрочество*. Ученье. Туркин. Сочинения. Мастерские. Ваганьково, Поливановс<кая> гимн<азия>, I гим<назия>.

3-тье <18>91—<18>98. 14—21 г. *Юность*.

Феодосия. Люди. Отвлечен<ные> мысли. Коктебель. Моск<ва>.

4-тое <18>98—<1>905. 21—28 *Годы странствий*.

Конец Университета. Ссылка. Цент<альная> Азия. Путь в Париж.

5-ое <1>905—1912. 28—35 *Selva oscura*. Блуждания. Звезда полынй.

Мистические пути: масонст<во>, теософия, Штейнер. Маргарита. Расхождение. Изгнание из литерату<ры>.

6-ое 1912—1919. 35—42. *Пути России*. Коктебель. Война. Революция. Усобица. [Плоды оккульт<изма> в жизни. Борьба с террором.] Теории. Иверни. Верхарн.

7-ое <19>19—<19>26. 42—49. Житейские последствия мистич<еских> путей. Борьба с террором. Идеология Русс<кой> Истории. Переоценка Европ<ейской> культ<уры>. (Путями Каина).

**МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН.
АВТОБИОГРАФИЯ <12>**

Сейчас (1925) мне идет сорок девятый год — следовательно, доживается седьмое семилетие жизни, и я вижу сзади семь отжитых циклов:

**I
(1877–1884)
ДЕТСТВО**

Кириенко-Волошины — из запорожских казаков. По материнской линии — немцы, обрусевшие с XVIII века. Отец — юрист (мировой посредник I-го призыва). Душа общества. Друзьями прозван «Стивой Облонским». († 1881). Мать строгий характер, большая воля. Спутница всей жизни († 1923 г.).

Я родился в Киеве в Духов День — 16 мая 1877 г. Самые ранние впечатления: Таганрог и Севастополь. Последний еще в развалинах после осады с Пиранезиевскими деревьями из глубины разрушенных домов и разбитые колонны Тезейона — Петропавловского собора.

С четырех лет — Москва, из фона Суриковской «Боярыни Морозовой». Жили на Новой Слободе у Подвисков, там, где она как раз в те годы и писалась Суриковым.

Первое впечатление Русской истории, подслушанное из разговоров старших, — «1-ое Марта».

Опьянение стихами. Любил декламировать еще не умея читать. Для этого становился на стул (чувство эстрады). Знал наизусть «Коробейников», «Полтаву», «Демона» и «Конька Горбунка».

С пяти лет чтение и самостоятельное плавание по книгам, ограниченное сперва пределами материнской библиотеки. С этой же поры постоянными спутниками становятся Гоголь и Достоевский, Байрон (Дон Жуан) и Эдгар По.

II 1884–1891 ОТРОЧЕСТВО

Обстановка: Московские окраины: Мастерские Брестской дороги, Ваганьково и Ходынка. Позже — Звенигородский уезд — от Воробьевых гор и Кунцева до Голицына и Звенигорода.

Начало учения: кроме* общепринятых грамматик — заучивание латинских стихов, лекции по истории религий и русские сочинения на литературные темы. Очень разнообразная дошкольная подготовка, которой я обязан оригинальному учителю, тогда студенту Н.В. Туркину. Мало сверстников. Общество — ручные звери и взрослые.

Конец отрочества отравлен гимназией. I класс — Поливановская, потом до V кл. Московская I-ая.

III 1891–1898 ЮНОСТЬ

**Тоска в гимназии, и отвращение к гимназической учебе.

Мечта о юге и о Крыме. Молитвы о том, чтобы стать поэтом. То и другое кажется невыносимым. Но вскоре я начинаю писать стихи, и мы неожиданно переезжаем на юг — в Коктебель (1893 г.).

В провинциальной (Феодосийской) гимназии облегчение гимназического кошмара. Стихи мои имеют успех, и я получаю первую прививку «славы» — впоследствии оказавшуюся очень полезной. Пейзаж Коктебеля и историчес-

---

* Далее зачеркнуто: русских

** Далее зачеркнуто: Страшная

кая насыщенность Киммерии подсознательно воспитывают душу.

В 1897 г. оканчиваю гимназию и еду в Университет в Москву на юридический факультет.

Ни гимназии, ни Университету я не обязан ничем — ни единым знанием, ни единой мыслью. [Это была школа лентяйства, отучившая надолго сосредотачиваться в работе].

IV

1898—1905

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Пребывание мое в Университете было кратко, уже через год я был выгнан и выслан за студенческие беспорядки. Высылки, исключения, поездки за границу чередуются и заканчиваются ссылкой в Ташкент в 1900 г. Пред этим я уже успел побывать в Париже, в Берлине, в Италии и Греции, путешествуя частично пешком с грошами в кармане, ночуя в ночлежных домах. 1900 год — год стыка двух столетий — был для меня годом духовного рождения. Он был проведен в пустыне с караваном верблюдов. Здесь настигли меня Ницше и «3 разговора» Вл. Соловьева. И помогли моей переоценке ценностей и дали мне возможность взглянуть на всю Европейскую культуру ретроспективно с высот Азиатских плоскогорий.

Отсюда [мои] пути ведут меня на Запад, в Париж на много лет — учиться: чувству формы у Франции, чувству красок — у Парижа, средневековой латыни — у Гастона Париса, логике искусства — у готических соборов, строю мысли — у А. Франса и строю мысли у Бергсона, владенью стихом у Т. Готье, у Эредиа, у Ренье...

Продолжается ряд путешествий по странам и музеям: Рим, Испания, Балеары, Корсика, Сардиния, Андорра... Лувр, Прадо, Ватикан, Уффици, Британский музей... Но наибольшими открытиями и откровениями я обязан Парижской Национальной Библиотеке.

В этом мой истинный Университет.

Кроме техники слова в эти годы я овладеваю и техникой кисти и карандаша.

К четвертому семилетию относятся и первые мои выступления в литературе (1900 г. в Рус<ской> Мысли) и первые встречи и дружба с рус<скими> поэтами моего поколения (1903 г.) – со стариками: Бальмонтом, Вяч. Ивановым, Балтрушайтисом и Брюсовым и современниками – Белым и Блоком.

V

1905–1912

БЛУЖДЕНИЯ

Этапы блуждания духа: Буддизм, Католичество, Массонство, магия, оккультизм, теософия, Рудольф Штейнер. Период личных переживаний романтического и мистического характера.

Живу этот период в Париже, но наезжаю часто в Россию. На 9 янв. 1905 г. судьба меня привела в Петербург и дала почувствовать все будущее русск<ой> Революции и вновь увела в Париж на много лет.

Пишу письма из Парижа в Петербургские газеты («Русь»), в «Весы» и в «Перевал» и в «Золотое Руно». После 1907 г. литературная деятельность меня постепенно перетягивает в СПб., а с 1910 г. – в Москву.

В 1910 г. выходит моя первая книга стихов.

Более долгое пребывание в России подготавливает постепенно мой разрыв с журнальным миром и «Аполлон» остается почти единственной редакцией<й>, где я могу печатать свои статьи.

VI

1912–1919

ВОЙНА

Всероссийская травля, вызванная моей лекцией о Репине, закрывает для меня все редакции, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам.

Годы перед войной я провожу в Коктебельском затворе, и это дает мне возможность вновь сосредоточиться на живописи и заставить себя сызнова переучиться согласно собственному пониманию метода. Сперва темпера, потом акварель становятся для меня единственным способом выражения.

Война застигла меня в Базеле, куда я приехал работать над постройкой Гетеанума. Эта работа бок о бок с представителями всех враждующих наций и в нескольких километрах от первых битв войны была трудной и прекрасной школой глубокого, человеческого и беспристрастного отношения к войне, которое было запечатлено в моей книге о войне «Anno Mundi Ardentis», написанной в 1915 г. в Париже.

Возвращаюсь в 1916 году в Россию вызванный приближением своей военной очереди — с тем, чтобы отказаться от исполнения военной повинности. Но меня находят непригодным.

Февральская Революция 1917 г. застает меня в Москве. Так как свобода мысли обычно кончается там, где начинается свобода печати, то с этого момента ни одна моя статья не может себе найти места ни в одной редакции, ни одного из существующих политических направлений и стих остается для меня единственным способом выражения мысли.

С апреля 1917 года я не покидаю Крыма, и все волны Революции и Гражданской войны проходят над моей головой.

В 1918 г. написана книга «Демоны Глухонемые».

VII ЗРЕЛОСТЬ

[Неопалимая Купина] (1919—1926) [Путями Каина]

Ни война, ни Революция не поразили меня и ни в чем не разочаровали: я их предчувствовал давно и в формах еще более тяжелых.

Деятнадцатый год толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, допустимой при моем отрицательном отношении к государству и к политике,

за эти годы углубившимся и утвердившимся: к борьбе с тер<ро>ром, независимо от его окраски.

Это ставит меня в эти годы (1919—1923) лицом к лицу со всеми страшными ликами Русской усобицы и дает мне драгоценнейший революционный опыт. Пройдя, как очевидец, через самые глубокие круги человеческой Преисподней, я выношу оттуда веру в человека (стих<отворение> «Потомкам») непоколебленной.

Эти же годы являются наиболее плодотворными в моей поэзии в смысле и качества, и количества написанного.

Но т<ак> к<ак> темой моей является Россия и исторический момент, ею переживаемый в связи со всем ее прошлым, т<ак> к<ак> политика и дух партийности мне глубоко ненавистны, и т<ак> к<ак> всякую борьбу, войну и усобицу я не могу рассматривать иначе как духовное единение и сотрудничество борющихся<ся>, то отсюда вытекают следующие странности литературной судьбы моих последних стихов. Отдельные мои стихотворения одинаково нравятся и белым и красным. Я знаю, что одно мое стихотворение («Русская Революция») два идейных вождя противоположных сторон (имена их умолчу) называли оба в частных беседах лучшей характеристикой Русс<кой> Революции.

Я знаю, что в 1919 г. и белые и красные, вступая в город, в первых своих прокламациях и те и другие цитировали одно и то же мое стихотворение («Мир»).

Эти явления являются моей высшей литературной гордостью, т<ак>к<ак> свидетельствуют, что в годы высшего разлада мне удалось, говоря о текущем и современном, найти такие слова и такую перспективу, что они были доступными и тем и другим.

Отсюда же вытекает и то, что в совокупности собранные в книгу стихи мои не могут быть пропущены ни красной, ни белой цензурой. Поэтому вне моего ведома они распространяются по всей России в тысячах списков до такой степени, что в восточную Сибирь они проникают не из России, а из Америки через Китай и Японию.

Я же сам остаюсь в положении писателя, стоящего вне литературы, как это было со мной и до войны.

В 1922 году я начал писать книгу стихов «Путями Каина», переоценка материальных и социальных ценностей Европейс<кой> культуры. В 1923 окончена «Неопалимая Купина».

В 1924 г. поэма «Россия» (Петербургский период).

Кроме этого, последние годы я усиленно занимаюсь живописью. Акварели мои выставлялись на выставках Мира Искусства и на Жар-Цвете и приобретены Третьякова Галере<е>й и многими провинциальными музеями.

**МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН.
АВТОБИОГРАФИЯ <13>**

Сейчас (1925 г.) мне идет сорок девятый год — я доживаю седьмое семилетие жизни, которая правильно раскладывается по этим циклам:

1-ое Семилетье: ДЕТСТВО. 1877—1884.

Кириенко-Волошины — казаки из Запорожья. По материнской линии — немцы, обрусевшие с XVIII века.

Родился в Киеве 16 мая 1877 года в Духов День. Ранние впечатления — Таганрог, Севастополь. Последний в развалинах после осады, с Пиранезиевыми деревьями из разбитых домов, с опрокинутыми тамбурами дорических колонн Петропавловского Собора.

С четырех лет — Москва из фона «Боярыни Морозовой». Жили на Новой Слободе у Подвисков, там, где она в те годы как раз писалась Суриковым в соседнем доме.

Первое впечатление русской истории, подслушанное из разговоров старших, — «1-ое марта».

Любил декламировать, еще не умея читать, «Коробейников», «Полтавский бой», «Ветку Палестины». Для этого всегда становился на стул: чувство эстрады.

С пяти лет самостоятельное чтение книг в пределах материнской библиотеки. Уже с этой поры постоянными спутниками становятся: Пушкин, Лермонтов и Некрасов, Гоголь и Достоевский и немногим позже Байрон («Дон Жуан») и Эдгар По. Опьяняюсь стихами.

2-ое Семилетие – ОТРОЧЕСТВО. 1884–1891.

Обстановка: окраины Москвы – мастерские Брестской жел<езной> дор<оги>, Ваганьково и Ходынка. Позже Звенигородский уезд – от Воробьевых гор и Кунцева до Голицына и Саввинского Монастыря.

Начало учения: кроме обычных грамматик заучивание латинских стихов, лекции по истории религии, сочинения на сложные не по возрасту – литературные темы.

Этой разнообразной культурной подготовкой я обязан своеобразному учителю – тогда студенту Н.В. Туркину. Общество: книги, взрослые, домашние звери. Сверстников мало. Конец отрочества отравлен Гимназией. I-ый класс – Поливановская, потом до V-ого – Казенная I-ая. Учусь из рук вон плохо, сижу по 2 года в классе.

3-ие Семилетие – ЮНОСТЬ. 1891–1898

Тоска и отвращение ко всему, что в гимназии и от гимназии. Мечтаю о юге и молюсь о том, чтобы стать поэтом. То и другое кажется невыносимым. Но вскоре начинаю писать скверные стихи, и судьба неожиданно меня приводит в Коктебель на всю жизнь (1893).

Феодосийская Гимназия, провинциальный городок, жизнь вне родительского дома сильно облегчают гимназический кошмар. Стихи мои нравятся, и я получаю первую прививку литературной «славы», оказавшуюся впоследствии полезной во всех отношениях: возникает не уважение к ней, а требовательность к себе. Историческая насыщенность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля воспитывают дух и мысль. В 1897 году кончаю гимназию и поступаю на юридический факультет в Москве. Ни гимназии, ни Университету я не обязан ни единым знанием, ни единой мыслью. Десять драгоценнейших лет, начисто вычеркнутых из жизни.

4-ое Семилетие: ГОДЫ СТРАНСТВИЙ. 1898–1905.

Уже через год я был исключен из Университета за студенческие беспорядки и выслан в Феодосию. Высылки и по-

ездки за границу чередуются и завершаются ссылкой в Ташкент в 1900 году. Перед этим я уже успел побывать в Париже и в Берлине, в Италии и в Греции, путешествуя на гроши, пешком, ночуя в ночлежных домах.

1900 год — стык двух столетий — был годом моего духовного рождения. Я провел его с караваном в пустыне. Здесь настигли меня Ницше и «Три разговора» Вл. Соловьева. Они дали мне возможность взглянуть на всю Европейскую культуру ретроспективно — с высоты Азийских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей.

Отсюда пути ведут меня на Запад — в Париж, на много лет, — учиться: художественной форме у Франции, чувству красок — у Парижа, логике — у готических соборов, средневековой латыни — у Гастона Париса, строю мысли — у Бергсона, скептицизму — у Анатоля Франса, прозе — у Флобера, стиху — у Готье и Эрдиа... В эти годы я только впитывающая губка, я — весь глаза, весь уши. Странствую по странам, музеям, библиотекам: Рим, Испания, Балеары, Корсика, Сардиния, Андорра...

Лувр, Прадо, Ватикан, Уффици... Национальная Библиотека. Кроме техники слова овладеваю техникой кисти и карандаша.

В 1900 г. первая моя критическая статья печатается в «Русской Мысли», в 1903 г. встречаюсь <с> русскими поэтами моего поколения: старшими — Бальмонтом, Вяч. Ивановым, Брюсовым, Балтрушайтисом и со сверстниками — Белым, Блоком.

5-ое Семилетие: БЛУЖДЕНИЯ. 1905—1912.

Этапы блуждания духа: Буддизм, Католичество, магия, масонство, оккультизм, теософия, Р. Штейнер. Период больших личных переживаний романтического и мистического характера.

К 9-ому Января 1905 года судьба привела меня в Петербург и дала почувствовать все грядущие перспективы Русской Революции. Но я не остался в России, и первая Рево-

люция прошла мимо меня. За ее событиями я прозревал уже смуту наших дней («Ангел Мщения») и ждал ее.

Я пишу в эти годы статьи о живописи и о литературе из Парижа <в> русские журналы и газеты (в «Весы», в «Золотое Руно», в «Русь», в «Аполлон»). После 1907 года литературная деятельность меня постепенно перетягивает сперва в Петербург, а с 1910 г. в Москву.

В 1910 г. выходит моя первая книга стихов.

Более долгое пребывание в России подготавливает разрыв с журнальным миром, который был для меня выносим только пока я жил вдали в Париже.

6-ое Семилетье: ВОЙНА. 1912–1919.

В 1913 году моя публичная лекция о Репине вызывает против меня такую газетную травлю, что все редакции для меня закрываются, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам.

Годы перед войной я провожу в Коктебельском затворе, что дает мне возможность сосредоточиться на живописи и заставить себя снова переучиться с самых азов, согласно более зрелому пониманию искусства.

Война застает меня в Базеле, куда приезжаю работать при постройке Гётеанума. Эта работа, высокая и дружная, бок о бок с представителями всех враждующих наций, в нескольких километрах от поля первых битв Европейской войны, была прекрасной и трудной школой человеческого и внеполитического отношения к войне. В 1915 году пишу в Париже свою книгу стихов о войне «Anno Mundi Ardentis». В 1916 году возвращаюсь в Россию через Англию и Норвегию.

Февраль 17-го года застает меня в Москве и большого энтузиазма во мне не порождает, т<ак> к<ак> чувствую все время интеллигентскую ложь, прикрывающую подлинные реальности Революции.

Редакции периодических изданий, вновь приоткрывшиеся для меня во время войны, захлопываются снова перед моими статьями о Революции, которые я имею наивность

предлагать, забыв, что там, где начинается свобода печати, — свобода мысли кончается.

Вернувшись весной 1917 года в Крым, я уже больше не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую, и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой.

Стих остается для меня единственной возможностью выражения мыслей о совершающемся. Но в 17-м году я не смог написать ни одного стихотворения: дар речи мне возвращается только после Октября, и в 1918 году я заканчиваю книгу о Революции «Демоны Глухонемые» и поэму «Протопоп Аввакум».

7-ое Семилетие: РЕВОЛЮЦИЯ. 1919—1926.

Ни война, ни Революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: их я ожидал давно и в формах еще более жестоких. Напротив: я почувствовал себя очень приспособленным к условиям революционного бытия и действия. Принципы коммунистической экономики как нельзя лучше отвечали моему отвращению к заработной плате и к купле-продаже. Проживя 15 лет на Западе, я с начала Революции никуда не хочу уезжать из России. 19-тый год толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, возможной при моем отрицательном отношении ко всякой политике и ко всякой государственности, утвердившимся и крепко обосновавшимся за эти годы, — к борьбе с террором, — независимо от его окраски.

Это ставит меня в эти годы (1919—1923) лицом к лицу со всеми ликами и личинами Русской усобицы и дает мне обширный и драгоценнейший революционный опыт. Из самых глубоких кругов Преисподней, Террора и Голода — я вынес свою веру в Человека (стихотворение) «ПОТОМКАМ»). Эти же годы являются наиболее плодотворными в моей поэзии и как в смысле качества, так и в смысле количества написанного.

Но т<ак> к<ак> темой моей является Россия во всем ее историческом единстве, и т<ак> к<ак> дух партийнос-

ти мне ненавистен, и т<ак> к<ак> всякую борьбу я не могу рассматривать иначе, как момент духовного единства борющихся врагов и их сотрудничества в едином деле, — то отсюда вытекают следующие особенности литературной судьбы моих последних стихотворений: мои отдельные стихи о Революции одинаково нравились и красным, и белым. Я знаю, напр<имер>, что мое стихотворение «Русская Революция» назвалось лучшей характеристикой революции двумя идейными вождями противоположных лагерей (имена их умолчу). В 1919 году белые и красные, беря по очереди Одессу, свои прокламации к населению начинали одними и теми же словами моего стихотворения «Брестский мир».

Эти явления — моя литературная гордость, т<ак> к<ак> они свидетельствуют, что в моменты высшего разлада России мне удалось, говоря о самом спорном и современном, находить такие слова и такую перспективу, что ее принимали и те и другие.

Поэтому же, собранные в книгу, эти стихи не пропускались ни правой, ни левой цензурой.

Поэтому же они распространяются по России в тысячах списков — вне моей воли и моего ведения. Мне говорили, что в Восточную Сибирь они проникают не из России, а из Америки через Китай и Японию.

Сам же я остаюсь все в том же положении писателя, стоящего вне литературы, как это было и до войны.

В 1923 году я закончил книгу «Неопалимая Купина».

С 1922 года пишу книгу «Путями Каина» — переоценка материальной и социальной культуры.

В 1924 г. написана поэма «Россия» (Петербургский период). В эти же годы я много работал акварелью, принимая участие на выставках: «Мира Искусства», «Жар-Цвет». Акварели мои приобретались Третьяковской Галереей, Русским Музеем и многими провинциальными музеями.

Согласно моему принципу, что корень всех социальных зол лежит в институте заработной платы — все, что я произвожу, — я раздаю безвозмездно. Свой дом я превратил

в приют для писателей и художников, а в литературе и живописи это выходит само собой, потому что все равно никто не платит и все используют мои картины и стихи.

БИБЛИОГРАФИЯ.

В настоящую минуту в продаже нет ни одной моей книги. Вот в каком порядке мои стихи должны бы были быть изданы:

Две книги лирики:

1) ГОДЫ СТРАНСТВИЙ (1900—1910)

2) SELVA OSCURA — (1910— 1914)

Книга о войне и Революции:

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА (1914—1924)

ПУТЯМИ КАИНА (1922—?)

Из них были изданы «Годы Странствий». Издательство Гриф. 1910. «SELVA OSCURA» совсем не издана.

Из «Неопалимой Купины» изданы:

«Anno Mundi Ardentis» 1915. Издательство «Зерна». Москва.

«Демоны Глухонемые» 1919. Издательство «Камена». Харьков.

2-ое издание 1923. Берлин

(издательство Писателей)

Книга «Иверни» является сборником стихов из разных книг, издательство «Творчество» 1919, Москва.

Из французских писателей мною переводились: Анри де Ренье, Верхарн, Вилье де Лиль Адан («Аксель»), Поль Клодель («Отдых Седьмого дня», ода «Музы»), Поль де Сен-Виктор («Боги и люди»). Из них изданы:

Верхарн. Издательство Омфалос. 1919. Одесса

Издательство Творчество. 1919. Москва

Анри де Ренье. «Маркиз д'Амеркёр». Издательство Альциона. Москва.

2-ое издание «ACADEMIA»

Поль де Сен-Виктор «Боги и люди», издательство Сабашникова. 1913.

Из критических моих статей под названием «ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА» вышел только первый том о Франции (в издании «Аполлона» СПб. 1912 года), а остальные же, посвященные: Театру, Живописи, русской Литературе и Парижу четыре тома, остались неизданными.

Брошюра «О Репине» 1913. Издание Олс Лук-Ойс.

До меня доходили слухи еще о многих иных изданиях моих книг, но я их не видал.

ИКОНОГРАФИЯ

Кошелев. Портрет маслом во весь рост. 1900 г.

Е.С. Кругликова. Поясной портрет маслом 1901. Много карикатур, рисунков и силуэтов разных годов.

Слевинский. Портрет маслом с книгой 1902 г.

Якимченко. Голова, масло. 1902 г.

В. Харт. Голова углем. 1907 г.

А.Я. Головин. Портрет поясной. Темпера. 1909 г.

Голова. Литография. 1909.

Э. Виттиг. Бюст в виде герма. 1911 г. Париж. Отейль.

Е. Зак. Голова сангиной. 1911 г.

Диего Ривера. Малый портрет вся фигура. 1915 (кубизм)

Колоссальная голова. Масло. 1915 г.

Баруздина. Портрет маслом. 1916 г.

Рисунок головы. 1916 г.

Бобрицкий. Сангина. 1918 г.

Мане-Кац. Голова, масло. 1918 г.

Хрустачев. Сангина. 1920 г.

А.П. Остроумова-Лебедева. Голова акварелью. 1924 г.

Поясной портрет масло. 1925 г.

Кустодиев. Масло. 1924. Поясной портрет.

Костенко. Две гравюры на линолеуме 1924 и 1925.

Верейский. 2 литографии и 1 рисунок. 1924 г.

М. Зайцев. 2 рисунка углем головы. 1925 г.

Портрет маслом вся фигура. 1925 г.

Шаронов. Рисунки. Сангина. 1926 г.

Скульптура: Э. Виттиг, Леонора Блох, Глеб Дерюжинский, А.Т. Матвеев.

Карикатуры: Кругликовой, Б. Матвеева, Рс-Ми, Моора, Преславского, А. Габричевского.

Из фотографий: наиболее удачные: *из детских* – Мозера, Курбатова, Асикритова, *из взрослых* – Денара СПб., Напельбаума (СПб.), Дилевского (Париж), Маслова (Одесса).

Максимилиан Волошин 19 15/XI 25.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН.
АВТОБИОГРАФИЯ <14>

Я родился [в Киеве] 16 мая 1877 года в Духов День «Когда земля — имен<ин>ница». Отсюда, вероятно, и моя склонность к духовно-ре<ли>гиозному восприятию мира и любовь к цветению плоти и вещества во всех его формах и ликах. Поэтому прошлое моего духа представлялось мне всегда в виде одного из тех фавнов или кентавров, которые приходили в пустыню к Св. Иерониму и воспринимали таинство Святого Крещения. Я язычник по плоти и верю в реальное существование всех языческих богов и демонов и в то же время не могу его мыслить вне Христа, [а историю Христианской церкви принимаю со всеми ее разветвлениями, уклонениями и ересями].

Родился я в Киеве и корнями рода связан с Украиной. Мое родовое имя Кириенко-Волошин, и идет оно из Запорожья. Я знаю из Костомарова, что в* XVI веке был на Украине слепой бандурист Матвей Волошин, с которого с живого была содрана кожа поляками за политические песни, а из воспоминаний Францевой, что фамилия того Кишиневского молодого человека, который водил Пушкина в цыганский табор, была Кириенко-Волошин. Я бы ничего не имел против того, чтобы они были моими предками.

На своей родине я никогда не жил. Раннее детство прошло в Таганроге и Севастополе. Севастополь помню в развалинах с большими деревьями, растущими из середины домов: одно из самых первых незабываемых живописных впечатлений.

С 4-х лет до 16-ти — Москва. Долгоруковская ул<ица>, Подвиски — обстановка Суриковской «Боярыни Морозо-

* Далее зачеркнуто: XVII

вой», которая как раз в то самое время писалась в соседнем доме.

Потом окраины Москвы – Ваганьковское кладбище; и леса Звенигородского уезда: те классические места русского Иль-де-Франса, где в сельце Захарьине прошло детство Пушкина, а в Семенкове – Лермонтова. И то и другое связаны с моими детскими воспоминаниями.

Позже Поливановская гимназия и казенная I-ая гимназия. Это самые темные и стесненные годы жизни, исполненные тоски и бессильного протеста против неудобоваримых и ненужных знаний.

16-ти лет – окончательный переезд в Крым – в Коктебель. Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознал его, как истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет [заграницных] блужданий по берегам Средиземноморья, чтобы понять его красоту и единственность.

Я окончил Феодосийскую гимназию и сохранил на всю жизнь нежность и благодарность к этому городу, который в те годы мало напоминал русскую провинцию, а был скорее южно-итальянским захолустьем.

Два года студенческой жизни в Москве оставили впечатление пустоты и бесплодного искания. В 1899 г. я был выслан в Феодосию за организацию студенческих беспорядков. Потом уехал в первый раз за границу: в Италию, Швейцарию, Париж, Берлин. Я еще раз возвращался в Москву. Был допущен до экзаменов. Перешел на третий курс юридического факультета, опять уехал в Италию и Грецию; возвращаясь, был арестован, привезен в Москву и выслан в Среднюю Азию.

Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность Европейской культуры.

Это был 1900 г. – год Китайского пробуждения. Сюда до меня дошли «Три Разговора» и «Письмо о конце всемирной истории» Вл. Соловьева, здесь я прочел впервые Ницше.

Но надо всем было ощущение пустыни — той широты и равновесия, которые обретает человеческая душа, возвращаясь на свою прародину.

Здесь же создалось решение на много лет уйти на запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы.

С 1901 года я поселился в Париже; начал работать в области живописи, слушал курс средневековой латыни у Гастона Париса, слушал Бергсона, работал у Андре Мишеля в *École de Louvres*, был записан в *École des Hautes Etudes religieuses*.

Но Азия не покинула меня в Париже. Мне довелось близко познакомиться <с> Хамбу-Ламой Тибета, приехавшим в Париж инкогнито, и прикоснуться таким образом к буддизму в его первоисточниках. Это было моей первой ре<ли>гиозной ступенью. В 1902 г. я так же близко соприкоснулся с католическим миром во время моего пребывания в Риме и осознал его как спинной хребет всей Европейской культуры.

Затем мне довелось пройти сквозь близкое знакомство с магией, о<к>культизмом, с франкмасонством, с теософией и наконец в 1905 г. встретиться с Рудольфом Штейнером, человеком, которому я обязан больше, чем кому-либо, познанием самого себя.

Интерес к оккультному познанию был настолько велик, что совершенно отвлек меня от русских событий 1905 года и удержал меня вдали от России. Первую русскую Революцию я увидел в том преображении, которое выразилось в моем стихотворении «Ангел Мщенья», осуществивш<е>мся воочью только теперь.

Литературная моя деятельность, если не считать моих детских стихотворений, началась с 1900 г. библиографическими заметками и статьями в «Русской Мысли», а потом фельетонами в газете «Русский Туркестан». После перерыв в 2 года, когда меня не печатали как «декадента». Затем* первый цикл стихов, напечатанный в 1903 г. в журнале «Новый Путь», стихи в «Северных Цветах», основание «Весов», участие во всех художеств<енных> изданиях: «Гриффе», «Перева-

* Далее зачеркнуто: с основания «Весов» я

ле», «Золотом Рунс», «Аполлоне» и т.д. в качестве художественного и литературного критика.

С 1904 г. я стал писать художественные и литературные фельетоны в газете «Русь». Жил большею частью в Париже, лишь изредка наезжая в Россию.

Газетная моя работа изредка прерывалась всеобщими газетными травлями, вызываемыми по большей части моими публичными лекциями, и тогда страницы всех газет на время для меня закрывались. Были годы, когда мне негде было писать, и мои книги не принимались на продажу книжными магазинами. Так было перед началом Европейской Войны. Это дало мне возможность прожить несколько лет безвыездно в Коктебеле, вновь вернуться к оставленной на некоторое время живописи и отойти от суеты литературно-журнальной сутолки.

В самые последние часы перед началом войны я успел проехать в Базель, где принимал участие в построении Дома Св. Иоанна.

Потом был в Париже, в Лондоне и вернулся в Россию лишь в 1916 году. В феврале <19>17 г. был в Москве, а после не покидал берегов Черного моря.

В моих странствиях я никогда не покидал пределов древнего Средиземноморского мира: я знаю Испанию, Италию, Грецию, Балеары, Корсику, Сардинию, Константинополь и связан с этими странами всеми творческими силами своей души. Форме и ритму я учился у Латинской расы. Французская литература была для меня дисциплиной и образцом.

К стихам своим я относился всегда со строгостью. Мой первый сборник вышел, когда мне было 33 года. До внимания публики мои стихи доходили медленно. Газетная шумиха, слишком часто подымавшаяся вокруг моих статей, мешала мне как поэту. Меня ценили, пожалуй, больше всего за пластическую и красочную изобразительность. Религиозный и оккультный элемент казался смутным и непонятным, хотя* и здесь я стремился к ясности, краткой выразительности.

---

* Далее зачеркнуто: я всегда

Мои стихи о России, написанные за время Революции, вероятно, будут восприняты, как мое перерождение как поэта: до Революции я пользовался репутацией поэта наименее национального, который пишет по-русски так, как будто по-французски.

Но это внешняя разница. Я подошел к русским современным и историческим темам с тем же самым методом творчества, что и к темам лирическим первого периода моего творчества. Идеи мои остались те же. Разница только в палитре, которая изменилась соответственно темам и, может быть, <в> большей осознанности формы.

Мой поэтический символ веры – см. стихотворение <орение> «Подмастерье», которое я написал, как предисловие к «Иверням» – сборнику избранных моих стихотворений.

Мои политические credo – разбросаны по всем моим стихам о современности.

Мое отношение к государству: см. «Левиафан».

Мое отношение к миру: см. «Corona Astralis».

Максимилиан Волошин.

**КИРИЕНКО-ВОЛОШИН, МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
(ПОЭТ И ХУДОЖНИК)***Жизнеописание <15>*

Родился в Киеве в 1877 году. Родом из Запорожских казаков. Отец – юрист (мировой посредник I-го призыва). Умер в раннем детстве (моем). Мать служила на Жел<езной> дор<оге> (вбольнице). Учился в нескольких Кл<ассических> гимназиях. Кончил Феодосийскую. В Университете Московском. В 1899 г. был учредителем и первым председателем Исп<олнительного> Комитета Моск<овского> Универс<итета>. Выслан в Феодосию. Оттуда уехал за границу. В 1900 г., возвращаясь из пешеходных странствий по Италии и Греции, арестован по делу о Всерос<сийском> студенч<еском> съезде. После сидения в Москве выслан в Ташкент. Оттуда в 1901 г. уехал в Париж, не кончив Университета. Слушал лекции в Сорбонне, Коллеж де Франс, Эколь дю Лувр, учился живописи, писал стихи, статьи об искусстве, читал лекции и работал в Национальной библиотеке. Ни к каким политическим партиям не принадлежал принципиально. 1905 год прошел мимо меня, т<ак> к<ак> я был все время в Париже. Из-за границы вернулся только в 1916 году, накануне февр<альской> Революции. С тех пор безвыходно поселился в Крыму, пережив здесь всю смену Южно-Русских правительств. В эту эпоху занимался единственно формой общественной деятельности, которую считал для себя обязательной: «мешал согражданам расстреливать друг друга».

В 1920 г., с прихода в Крым Советской власти, занимался «Охраной памятников искусства и библиотек» и читал лекции по истории Культуры в различных ВУЗ-ах Крыма. Состоял штатным преподавателем на Командных Курсах в Фе-

одосии, в Художественном Совете при Показательном театре в Симферополе. Годы гражданской войны кончились для меня тяжелой болезнью (полиартрит, осложненный ревматизмом, астмой, почками и сердцем), продержавшей меня 8 месяцев в постели и потребовавшей года лечений на грязях и в Институте Физических методов лечения (Саки и Севастополь). С тех пор постоянная жизнь вне больших городов и пребывание в Коктебеле зиму и лето стало для меня вынужденной необходимостью.

Оставаясь в качестве художника в стороне от политической и общественной деятельности, я, тем не менее, признаю для себя обязательными ряд морально-экономических норм. Так я изгнал из своей жизни всякую «куплю-продажу» даже в виде «заработной платы». Так я отказался от литературной и художественной собственности. Из картин моих, имеющихся в Русских Музеях, ни одна не была продана. Мою дачу в Коктебеле, утвержденную за мною Крымским правительством, я превратил в бесплатную колонию для поэтов, художников, ученых и их семей.

Мною написаны следующие книги:

СТИХИ:

- «Годы странствий» (1900—1910)
- «Темный Лес» (1910—1914)
- «В Год мирового Пожара» (1915)
- «Демоны Глухонемые» (1917—1918)
- «Неопалимая Купина» (1918—1922)
- «Путями Каина» (трагедия материальной культуры, 1922—1929).

Ряд поэм из русской истории: «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифании», «Россия» (Петербургский период), «Дмитрий Император», «Написание о Царях Московских».

ПРОЗА:

- «Лики Творчества» (4 тома) — критические статьи
- «Монография о В.И. Сурикове»
- «О Репине».

ПЕРЕВОДЫ:

Переводил стихами <и> прозой следующих авторов:

Маллармэ, Эредиа, Анри де Ренье, Верхарна, Вилье де Лиль-Адан<а>, Поля Клоделя, Поля де Сен-Виктор<а>, Барбе д'Оревильи и др.

КАРТИНЫ:

Акварели мои находятся в Русском Музее (СПб.), в Третьяковской галерее, в Музеях: Казанском, Саратовском, Ростовском <на> Д<ону>, Екатеринодарском, Бакинском, Симферопольском, Севастопольском, Феодосийском и др<угих>.

Из повременных изданий я принимал участие в следующих: «Весы», «Золотое Руно», «Перевал», «Северные Цв<еты>», «Аполлон», <в> газетах «Русь» и «Утро России».

Во время Революции: в «Красной Нови» и «Недрах», где печатались отдельные главы из книги «Путями Каина».

<АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАБРОСОК> <16>

Мне было 24 года, когда я впервые взял в руку рисовальный уголь и попытался нарисовать голую модель, и это была моя первая попытка в живописи.

Я рос в обстановке, чуждой живописи. Литературные влияния были у меня в детстве сильны. Художественных — никаких. Живопись я любил, но т<ак> к<ак> я рос в Москве, то ничего кроме Третьяковской галереи не видал и склонен был считать Репина величайшим живописцем всех веков и народов.

В первый раз попавши за границу 21 г<ода> от роду, я ходил по картинным галереям совершенным дикарем и наивно удивлялся: «Какую ерунду писали эти старые мастера, то ли дело наша Третьяковка. Как странно, что Россия, в общем, страна малокультурная (об этом я тогда уже начинал догадываться), так далеко опередила Европу в области живописи». Это было естественное следствие живописи передвижников, на которых я воспитался. И возненавидел же я их спустя несколько лет за эти патриотические бельма!

Во время моего путешествия по Италии, когда я добросовестно старался проникнуться прелестью и Карло Дольче и Гвидо Рени и приходил в искренний восторг от случайных выставок современных итальянских художников, меня впервые уязвил и затронул Джотто. А он мне открыл дверь в Quattrocento и к Микелья<н>джело. Так у меня создалась постепенно мечта посвятить себя истории искусства, бросив постылое изучение права. Но в Москве это было в те годы еще трудно сделать. Но студенческие истории и беспорядки, в которых я принимал деятельное участие, к счастью скоро привели к тому, что я был вышвырнут с юридического факультета и выслан в Ташкент, где пробыл около года — почти все время с караваном верблюдов в степи. Эти

месяцы в пустыне были для меня временем духовного перелома и зрелости. Здесь сложилось решение посвятить себя художественной критике — и когда в 1901 году я получил заграничный паспорт, я отправился в Париж. Здесь я очень скоро понял, что для понимания текущих задач искусства мало слушать лекции в *École de Louvre*, необходимо самому испытать и пережить технику искусства.

Поэтому, когда однажды художница Е.С. Кругликова дала мне лист бумаги и уголь и предложила нарисовать позировавшую у нее модель, я не отказался, и первый рисунок оказался не так уже плох. За эти годы более сознательного отношения к живописи, я так много смотрел на природу и бессознательно рисовал ее, что это мне заменило przygotowательное рисование, и то, на что тратятся годы, я прошел в несколько месяцев. Это была эпоха, когда еще изживался импрессионизм, Гогэн только что умер и еще не был признан, Сезанн был еще жив. Я работал в свободных Парижских «Академиях», а главным образом делал быстрые наброски на улице, в кафе, за лекциями — всюду.

Продолжая [еще искренно] считать своим искусством только поэзию и слова, я смотрел на живопись в те годы как на средство постижения, а не самоцель. Это было моим оправданием.

В 1904 г. в первом № «Весов» я дебютировал как художественный критик статьей «Скелет живописи», а через несколько месяцев стал «делать Парижские салоны» в газете «Русь», только что начавшейся.

Журнальная и газетная работа в те годы часто отвлекали меня на много месяцев от живописи.

В 1908 г., надолго застряв в Коктебеле, я почувствовал необходимость исправить прорухи моего художественного образования и заставил себя пройти последовательный и систематический курс пейзажа по методу, мною самим выработанному. Я выправил свой небрежно-импрессионистический рисунок, понял законы воздушной перспективы, прошел курс линейной, масло заменил темперой. Последнее оказалось хорошей дисциплиной, так как я писал на темном кадре, очень изменявшем тона при высыхании, и потому приходилось очень упрощать тона и заранее их держать в уме. В эти годы я много работал бок о бок с Богаевским.

О САМОМ СЕБЕ <17>

Автор акварелей, предлагаемых вниманию публики под общим заглавием «Киммерия», не является уроженцем Киммерии по рождению, а лишь по усыновлению. Он родом с Украины, но уже в раннем детстве был связан с Севастополем и Таганрогом. А в Феодосию его судьба привела лишь в 16 лет, и здесь он кончил гимназию и остался связан с Киммерией на всю жизнь. Как все Киммерийские художники, он является продуктом смешанных кровей (немецкой, русской, итало-греческой). По отцовской линии он имеет свои перво-корни в Запорожской сечи, по материнской — в Германии.

Родился я в 1877 году в Киеве, а в 1893 г<оду> моя мать переселилась в Коктебель, а позже и я здесь выстроил [дом] мастерскую.

В ранние годы я не прошел никакого специально-живописного воспитания и не был ни в какой рисовальной школе и *теперь* рассматриваю это как большое счастье — это не связало меня ни с какими традициями, но дало возможность оформить самого себя в более зрелые годы, сообразно с сознательными своими устремлениями и методами.

Впервые я подошел к живописи в Париже в 1901 г<оду>. Я только что вернулся туда из Ташкента, где был в ссылке около года. Я весь был переполнен зрительными впечатлениями и совершенно свободен в смысле выбора жизни и профессии, т<ак> к<ак> был только что начисто выгнан из Университета за студенческие беспорядки «без права поступления». Юридический факультет не влек обратно. А единственный серьезный интерес, который в те годы во мне намечался, — искусствоведение. В Москве в ту эпоху — в конце 90-х годов прошлого века — оно еще никак не определилось, а в Париже я сейчас же записался в Луврскую Школу Музееведения, но лекционная система меня мало

удовлетворяла, т<ак> к<ак> меня интересовало не старое искусство, а новое, текущее.

Цель моя была непосредственная: подготовиться к делу художественной критики.

Воспоминания Университета и гимназии были слишком свежи и безнадежны. В теоретических лекциях я не находил ничего, что бы мне помогало разбираться в современных течениях живописи.

Оставался один, более практический путь: стать самому художником, самому пережить, осознать разногласия и дерзания искусства.

Поэтому, когда однажды весной 1901 года я зашел в мастерскую Кругликовой, и Елизавета Сергеевна со свойственным ей приветливым натиском протянула мне лист бумаги, уголь и сказала: «А почему бы тебе не попробовать рисовать самому?», я смело взял уголь и попробовал рисовать человеческую фигуру с натуры. Мой первый рисунок был не так скверен, как можно было ожидать, но главными его недостатками были желание сделать его похожим на хорошие рисунки, которые мне нравились, и чересчур тщательная отделка деталей и штрихов. Словом, в нем уже были все недостатки школьных рисунков, без знания, что именно нужно делать. Словом, я уже умел рисовать, и мне оставалось только освободиться от обычных академических недостатков, которые еще не стали для меня привычкой руки. На другой же день меня свели в Академию Коларосси. Я приобрел лист «Энгра», папку, уголь, взял в ресторане мякоть не пропеченного хлеба и стал художником. Но, кроме того, я стал заносить в маленькие альбомчики карандашом фигуры, лица и движения людей, проходящих по бульварам, сидящих в кафе и танцующих на публичных балах. Образцами для меня в то время были молниеносные наброски Форена, Стейнлена и других рисовальщиков Парижской улицы.

А когда три месяца спустя мы с Кругликовой, Давиденко и А.А. Киселевым отправились в пешеходное путешествие по Испании через Пиренеи и Андорру, я уже не расставался с карандашом и записной книжкой.

В те годы, которые совпали с моими большими пешеходными странствиями по Южной Европе — по Италии, Испании, Корсике, Балеарам, Сардинии, я не расставался с альбомом и карандашом и достиг известного мастерства в быстрых набросках с натуры. Я понял смысл рисунка.

Но обязательная журнальная работа (статьи о художественной жизни Парижа и отчеты о выставках) мне не давала сосредоточиться исключительно на живописи.

Лишь несколько лет спустя, перед самой войной, я мог вернуться к живописи усидчиво. В 1913 году у меня произошла ссора с русской литературой из-за моей публичной лекции о Репине. Я был предан всероссийскому ostrакизму, все редакции периодических изданий для меня закрылись, против моих книг был объявлен бойкот книжных магазинов.

Оказавшись в Коктебеле, я воспользовался вынужденным перерывом в работе, чтобы взяться за самоперевоспитание в живописи. Прежде всего я взялся за этюды пейзажа: приучил себя писать «виды» точно, быстро и широко.

И вообще, все неприятности и неудачи в области литературы сказывались в моей жизни успехами в области живописи.

Я начал писать не масляными красками, а «темперой» на больших листах картона. Это мне давало, с одной стороны, возможность увеличить размеры этюдов, с другой же, так как темпера имеет свойство сильно меняться высыхая, это меня учило работать вслепую (т. е. как бы писать на машинке с закрытым шрифтом). Это неудобство меня приучило к сознательности работы, и тот факт, что темпере почти невозможно подобрать тон, раз взятый, — к умеренности в употреблении красок и к чистоте палитры.

Акварелью я начал работать с начала войны. Начало войны и ее первые годы застали меня в пограничной полосе — сперва в Крыму, потом в Базеле, позже в Биаррице, где работы с натуры были невозможны по условиям военного времени. Всякий рисовавший с натуры в те годы естественно бывал заподозрен в шпионстве и съемке планов.

Это меня освободило от прикованности к натуре и было благодеянием для моей живописи. Акварель непригодна к работам с натуры. Она требует стола, а не мольберта, затененного места, тех удобств, что для масляной техники не требуются.

Я стал писать по памяти, стараясь запомнить основные линии и композицию пейзажа. Что касается красок, это было нетрудно, так как и раньше я, наметив себе линейную схему, часто заканчивал дома этюды, начатые с натуры. В конце концов я понял, что в натуре надо брать только рисунок и помнить общий тон. А все остальное представляет логическое развитие первоначальных данных, которое идет соответственно понятиям ранее законам света и воздушной перспективы. Гражданская война, а потом революция ограничили мои технические средства только акварелью. У меня был известный запас акварельной бумаги, и экономия красок позволила мне его длить долго. Плохая акварельная бумага тоже дала мне многие возможности. Русская бумага отличается малой проклеенностью. Я к ней приспособился, прокрывая сразу нужным тоном и работая от светлого к темному без поправок, без смываний и протираний.

Эту эволюцию можно ясно проследить по ретроспективному отделу моей выставки. Это борьба с материалом и постепенное преодоление его.

Если масляная живопись работает на контрастах, сопоставляя самые яркие и самые противоположные цвета, то акварель работает в одном тоне и в светотени. К акварели больше, чем ко всякой иной живописи, применимы слова Гёте, которыми он начинает свою «Теорию цветов», определяя ее как трагедию солнечного луча, который проникает через ряд замутненных сфер, дробясь и отражаясь в глубинах вещества. Это есть основная тема всякой живописи, а акварельной по преимуществу.

Ни один пейзаж из составляющих мою выставку не написан с натуры, а представляет собою музыкально-красочную композицию на темы Киммерийского пейзажа. Среди выставленных акварелей нет ни одного «вида», который

бы совпадал с действительностью, но все они имеют темой Киммерию. Я уже давно рисую с натуры только мысленно. А пишу акварелью регулярно, каждое утро по 2–3 акварели, так что они являются как бы моим художественным дневником, в котором повторяются и переплетаются все темы моих уединенных прогулок. В этом смысле акварели заменили и вытеснили совершенно то, что раньше было моей лирикой и моими пешеходными странствованиями по Средиземноморью.

Вообще в художественной самодисциплине [было] полезно всякое самоограничение, недостаток краски, плохое качество бумаги, какой-либо дефект материала, который заставляет живописца искать новых обходных путей и сохранить в живописи лишь то, без чего нельзя обойтись. В акварели не должно быть ни одного лишнего прикосновения кисти. Важна не только обработка белой поверхности краской, но и экономия самой краски, как и экономия времени. Недаром, когда японский живописец собирается написать классическую и музейную вещь, за его спиной ассистирует друг с часами в руках, который отсчитывает и отмечает точно количество времени, необходимое для данного творческого пробега. Это описано хорошо в «Дневнике» Гонкуров. Понимать это надо так: вся черновая техническая работа уже проделана раньше, художнику, уже подготовленному, надо исполнить отчетливо и легко свободный танец руки и кисти по полотну.

В этой свободе и ритмичности жеста и лежит смысл и пленительность японской живописи, ускользающие для нас, — кропотливых и академических европейцев.

Главной темой моих акварелей является изображение воздуха, света, воды, расположение их по резонированным и резонирующим планам.

В методе подхода к природе и изучении и передачи ее — я стою на точке зрения классических японцев (Хокусаи, Утамаро), по которым я в свое время подробно и тщательно работал в Париже в Национальной Библиотеке, где в Галерее Эстампов имеется громадная коллекция японской печатной книги — Теодора Дерюи. Там мне на многое от-

крылись глаза, напр<имер> на изображение растений. Там, где европейские художники искали пышных декоративных масс листвы (как у Клода <Лоррена>), японец чертит линию ствола перпендикулярно к линии горизонта, а вокруг него концентрические спирали веток, в свою очередь окруженных листьями, связанными с ними под известным углом. Он не фиксирует этой геометрической схемы, но он изображает все дефекты ее, оставленные жизнью на живом организме дерева, на котором жизнь отмечает каждое отжитое мгновение.

Таким образом, каждое изображение является в искусстве как бы рядом зарубок, сделанных на коре дерева.* Чтобы иметь возможность отличать «дефекты» от нормального роста, художник должен знать законы роста. Это сближает задачи живописца с задачами естественника. Раз мы это поняли и приняли, мы не можем отрицать, что в истории европейской живописи в эпоху Ренессанса произошел горестный сдвиг и искажения линии нормального развития живописи. Точнее, этот сдвиг произошел не во времена Ренессанса, а в эпоху, непосредственно за ним последовавшую. При Ренессансе опытный метод исследования был прекрасно формулирован Леонардо. Но на горе живописцев этот метод не был тогда же воспринят наукой, а был принят 2 поколения спустя в формулировке не художника, а литератора Фр. Бэкона. Это обстоятельство обусловлено, конечно, самым складом европейского сознания.

Т<аким> об<разом> экспериментальный метод попал из рук людей, приспособленных и природой и профессией к эксперименту и опыту и наблюдению, в руки людей, конечно, способных к очень точному наблюдению, но никогда не развивавших и не утончавших своих естественных чу<в>ств восприятия, что привело прежде всего к горестному дискредитированию «очевидности», но [тогда] через это и к неис<п>равимому раздвоению путей искусства и науки.

Правда, в области научного познания это повело к созданию различных механических приспособлений для точного определения мер и веса.

* *Далее зачеркнуто:* Кроме того

В свое время Ренессанс еще до разделенности науки и искусства создал различные дисциплины для потребностей живописцев: художественную перспективу и художественную анатомию. Но в наши дни художник напрасно будет искать так необходимых ему художественной мерсологии, геологии, художеств<енной> ботаники, художеств<енной> зоологии, не говоря уже о художеств<енной> социологии. Правда, в некоторых критических статьях, напр<имер> у Рёскина, <есть> нечто, заменяющее ему эти не хватающие дисциплины в статьях о Тёрнере, но ничего по существу вопроса и детально разработанного еще не существует в литературе.

Точно так же, как художник не имеет сотрудничество ученого, точно так же и ученый не имеет сейчас часто необходимого орудия эксперимента анализа — отточенного тонко карандаша, — потому что научный рисунок — художественная дисциплина, которую еще не знает современная живописная школа.

Пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, т. е. в пейзажах должна быть такая грань горизонта, через которую хочется перейти, и должен ощущаться тот воздух, который хочется вдохнуть полной грудью, а в небе те восходящие токи, по которым можно взлететь на планёре.

Вся первая половина моей жизни была посвящена большим пешеходным путешествиям, я обошел пешком все побережья Средиземного моря, и теперь акварели мне замещают мои прежние прогулки.

Это страна, по которой я гуляю ежедневно, видимая естественно сквозь призму Киммерии, которую я знаю наизусть, и за изменением лица которой я слежу ежедневно.

С этой точки зрения и следует рассматривать ретроспективную выставку моих акварелей, которую можно характеризовать такими стихами:

Выйди на кровлю. Склонись на четыре
Стороны света, простерши ладонь.
Солнце... вода... облака... огонь...

Всё, что есть прекрасного в мире.
Факел косматый в шафранном тумане,
Влажной парчою расплесканный луч.
К небу из пены простерты длани.
Облачных грамот закатный сургуч...
Гаснут во времени... Тонут в пространстве
Мысли, события, мечты... корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли!

P. S. Я горжусь тем, что первыми ценителями моих акварелей явились геологи и планеристы, точно так же, как и тем фактом, что мой сонет «Полдень» был в свое время перепечатан в Крымском журнале виноградарства. Это указывает на их точность.

Максимилиан Волошин.

<БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА. 1931> <18>

1897 г. Окончание гимназии. Московск<ий> университет. Якс. Жебуневы. Студен<ческий> сбор<ник>. Земляч<ество>.

1898. В декабре знаком<ство> со Свободиным, Арн<ольдом>, Лавр<овым>.

1899. Беспорядки. Высылка. Полгода в Коктебеле. Странствия по Крыму с Яксом и Свобод<иным>. Осенью первая поездка за границу. Париж. Берлин.

1900. Берлин. Экзамены в Москве. Путешеств<вие> по Италии с Кандауровым. Арест. Ссылка. Средняя Азия. Валериан.

1901. Москва во время беспорядков. Отъезд в Париж. Кругликова. Путешествие по Испании. Живопись.

1902. Косоротов. Ауэры. Переписка с Мухой. Мирэ. Корсика и Сардиния. Стихи В. Иван<ова>. Якимченко. Поляков. Бальмонт. Решение ехать на Восток.

1903. Приезд в Россию в январе. Знакомство с литерат<урным> миром. Религиоз<но>-философ<ские> собр<ания>. Москва. Худож<ественный> клуб. Балтруш<айтис>. Сабашников<а>. ½ года в Коктебеле. Постройка Пелеаты. Неделя в Москве. Париж.

1904. Весна с Аморей в Париже. Quat'z Arts. Мирэ. «Русь». Женева. Вячесл. Иванов. Ол<ьга> Муромцева.

1905. Приезд в Россию, январские дни. Париж. Разрыв с Амор<ей>. Вайолет. Ан<на> Рудольф<овна>. Руан. Цюрих. Берлин. Ателье на Edg<ar> Quinet.

1906. Москва. Свадьба. Париж (Passy). Штейнер. Мережков<ский>. Константинополь. Коктебель. Петербург. Башня. Вячес<лав>.

1907. Башня. Вячеслав. Лето: Коктебель. Вайолет. Смерть Лидии. Аморя в Италии. Астма в Петербурге.

1908. Снова Париж в мае. Бальмонты. Жизнь с Яксом. Толстые. Девочка. Летом — Луара.

1909. Петербург. Жизнь с Толстыми на Глазовской. Лето: Лиля Дмитр<иева>. Гумилев. Осень в СПб. «Аполлон». Черубина де Габриак. Дуэль.

1910. Отъезд в феврале в Коктебель. Выход I-ой книги стих<ов>. «Киммерийская весна». Тоска и бури летом. Сломанная рука. Москва.

1911. Эфроны и Мар<ина> Цветаева. Первое лето оборотов в Коктебеле. Мистификации. Неожидан<ный> отъезд в Париж. Нат<алья> Сав<в>ин<ская> и Вера Рав<ич>.

1912. Юбил<ей> Бальмонта. Москва. Увлечение танцами Рабенек. Фельдштейны. Лето: Эфроны. Сокол. Москва.

1913. Репинская история. Майя. Поездка с Гарри. Лето с Майе<й>. «Lunaria». Оболенская. Аморя в Коктебеле. Зима в Коктебеле в одиночестве. В Феодосии Мар<ина> и Ася <Цветаевы>.

1914. Приезд Майи весной. Летний вихрь безумия, все невыносим<ы>. Отъезд в Базель. Война. Дорнах.

1915. Париж. Жизнь с Бальмонтом. Цетлины. Эренбург. Маревна. Биарриц. Испания. Париж.

1916. Париж. Лондон. СПб. Коктебель. Львова. Ходасевич. Новин<ский>. Воинская повинность. Лекции в Феод<осии> и Керчи. Москва.

1917. Москва. Революция. Лето: Коктебель. Ходасевич. Зима с Кедровыми в Коктебеле. Вар<вара> Леон<идовна> Рюмина.

1918. Большевики в Феодосии. Без<у>мная весна. Немецкое завоевание. Дуся. Фаина. «Демоны глухонемые». Лето: Шерв<ашидзе> и Бутковск<ая> Н.И. Гришка. Татида. Судак у Капнист. Ялта. С. Маковс<кий>. Лекции. Недоброво. Юл<ия> Слонимская. Севастополь. Симф<ерополь>.

1919. Севаст<ополь>. Одесса. Цетлины. Эсеры. Немиц. Татида. Бунин. На лодке в Крым. Евпат<ория> — Кожевников. Симфер<ополь>. Коктеб<ель>. Маркс. Большевики.

Десант. История Маркса. Поездка в Екатеринодар. Лето в Коктебеле. Астафьев и Маруся. Зима с Татид<ой>, Майей, Эренбургамы, Мандельштамом.

1920. «Серафим». Ссора с Эренбургом. Отъезд Татиды. Ген<ерал> Калинин и Князевы. Гинцбург. Приход большев<иков>. Феодосия. Террор.

1921. Террор. Феодосия. Симферополь. В мае возвращен<ие> в Коктебель. 8 месяц<ев> болезни. Пшеслав<ский>. Кедровы. Болезни. Санат<ория> в Феодосии. Смерть Алекс<андры> Мих<айловны> Петровой>. Юр<ий> Иванов. Воен<ная> школа.

1922. Голод. Лекции. Женя Ребик<ова>. Маруся. Отъезд в Саки. Розановы. Федорченко. Евпатория. Севастополь. Ялта. Болезнь и смерть мамы.

1923. Маруся. Лето. О. Головина. Бутков<а>. Замятин. Чуковский. Иосиф Викторов<ич>.* Шкапская. Басс.

1924. Поездка в Харьков, Москву, СПб. Чтение стихов. Нелли и Вик<тор?>. Алекс<андра> (Старушка «Божий Дар»). Возвращен<ие> в мае с жел<езнодорожными> спутника<ми>. Анчутка. Приезд Габричевск<их>. Ан<дрей> Белый и антроп<ософки>. Гроссманы. Осенью Брюсов и Адалис. Первые именины и «кинематограф» с Брюсовым и Белым. Смерть Брюсова. Поездка в Симферополь. Минаков.

1925. Марусина поездка в Харьков. Операция. Возвращение. Попытки реквизиру<овать> мой дом (постановл<ение> Совнар<кома> Крыма). Юбилей мой. Poetae Poetae. Пантомима. Ярхо.

1926 г. Зима в Коктебеле с весны. Виктор Успен<ский> и Зин<аида> Елгаштина. Прогул<ка> весной в леса (Синие горы). Летом именины-оперетка. Харьков. Златогоров.

1927. Поездка в Москву к Шервин<ским>. СПб. к Лиде <Аренс>. Моя болезнь. Сидение в комнате. Выставка акварелей в Москве и в СПб. 11 сент<ября> землетрясение. Зима с Андерсами. Кисловодск. Смерть Ф. Юнге. Ссора с Андер<сами>.

* Далее зачеркнуто: Старушка «Божий Дар» Ал. Ал.

1928. Кисловодск. Всеволод Иванович Попов. Манжос. Бодянские. Доктор Смирнов. Ходжаевы. Тюлины. Летом Тюлины. Ссылка Федоровых.

1929. Лето. Пестрое, утомительное. Особенно осень. Переутомление от людей осенью до болезни. 9 декабря удар. Зимой реквизиции. Крестьянские хозяйства. Немцы, колонисты, не признающие распоряжений. Превышение поэта Державина.

1930. Конец зимы. Моя болезнь: перевод Флобера, оконченный вовремя. Медленный съезд. Арест Саши Габричевского. Московская паника. Летом ко мне экскурсия Домов отдыха, все лето по 2 раза в неделю. Весной предложено пожертвовать дом в пользу Курорттреста. Концентрационный лагерь в Коктебеле, отделенный проволокой. Записи экскурсантов: «Стыдно, поэт Волошин, писать пессимистические стихи в эпоху расцвета и освобождения». Последствия зимой: Кон отказывается хлопотать о пенсии, так как «он читает противосоветские стихи посетителям». Осенью уныние. В первый раз в жизни чувствую себя «лишним человеком».